

Э.Ю.ВЛАСОВ

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

- *Помирись с нами; у тебя такой вид...*
- *Какой у меня вид! У меня такой вид, какой ему следует быть.*

Ф.М.Достоевский. Диалог Раскольникова и Пульхерии Александровны из "Подготовительных материалов" к "Преступлению и наказанию"

Влияние живописи на эстетические и творческие принципы Достоевского очевидно. Достаточно вспомнить Гольбейнова Христа, принципиального для понимания "Идиота", или "Сикстинскую Мадонну" Рафаэля, фигурирующую и в биографии писателя¹, и в "Преступлении и наказании". Взаимоотношения художника и его произведения, методы его написания живо интересовали Достоевского. В "Дневнике писателя за 1873 г." он замечает: *"Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, готовится, вглядывается. Почему он это делает? А*

потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает “главную идею его физиономии”, тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста.” (XXI, 75)². Здесь помимо главного – декларации неспособности человека правильно осознать и воспринять себя изнутри – есть еще и мысль чисто техническая – о праве художника самому графически формировать образную действительность, хотя бы и вопреки действительности “текущей”, о которой Достоевский пишет ниже: “А стало быть, что же делает тут художник, как не доверяется скорее своей идее (идеалу), чем предстоящей действительности. Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность <...> такие темы (почти фантастические) так же действительны и так же необходимы искусству и человеку, как и текущая действительность” (XXI, 75–76).

Трансформация реальности в сознании художника, умышленное искажение форм и пропорций действительности является основой его индивидуальной поэтики. Там, где мы имеем дело с подлинным искусством, неизбежно столкновение, причем подчас весьма болезненное и трудно осознаваемое, с настойчивым нежеланием автора копировать окружающую его природную, бытовую и человеческую натуру. В сущности, речь идет об авторской модели мира, которая может весьма существенно отличаться от фактической предметной реальности, и выбор читателя или зрителя – верить или не верить подлинности этой модели. Вряд ли кто-либо может отважиться оспаривать право художника на свое собственное видение

мира (читай – на воображение), однако бытовая человеческая психология зачастую не позволяет перешагнуть барьер между реальностью, “данной нам в ощущении”, и фантазией, которую нельзя увидеть или потрогать. Преодолеть этот барьер – значит постичь сознание художника, понять и, еще лучше, – почувствовать его неповторимый способ видеть мир и изображать его, исходя из своих собственных о нем представлений.

В искусстве на границе между реальностью и вымыслом сталкиваются натурализм и миф, и в их ипостасях – несвобода и свобода. Пожалуй, невозможно отыскать более свободную и независимую от реальности структуру человеческого мышления, нежели миф в искусстве. И хотя “гиперсвободный” миф тоже, как показывают щепетильные исследователи, на поверку оказывается несвободным от формальных принципов образования и функционирования, он остается единственным подлинно свободным способом выражения человеческой фантазии.

Одним из обязательных к исполнению законов мифа является искажение действительности. И какими бы натуралистическими ни казались бы, на первый взгляд, произведения-мифы, стержневым принципом их организации остается фантазия, воображение, пускай и заключенное во вполне конкретные натуралистические рамки³.

Ю.М.Лотман замечает по этому поводу: “Изображение в искусстве – это отнюдь не только то, что непосредственно изображено. Художественный эффект – всегда отношение. Прежде всего, это соотношение искусства и действительности... Что создано художником, становится ясно зрителю не из

имманентного рассмотрения произведения искусства, а из сопоставления его с объектом воссоздания – жизнью. Но ведь сам объект воссоздания – жизнь – раскрывается для нас по-разному до того, как было создано воспроизводящее ее произведение, и после. Поэтому понятое из сопоставления с действительностью, произведение требует нового сопоставления с по-новому понятой действительностью.”⁴

Как известно, одной из наиболее характерных особенностей русской иконы является откровенное, умышленное нарушение иконописцем натуральных перспектив и пропорций в изображении человеческих фигур, лиц, а также предметов и интерьера. Деформации эти перешли в русское искусство из византийского, что, с точки зрения религиозной преемственности, логично и естественно: “К ним (художественно значимым деформациям фигур в византийской живописи – Э.В.) следует отнести прежде всего такие стилистические черты, как удлиненные фигуры, широко раскрытые глаза <...> “перекручивание” человеческих фигур на 90 – 180°.”⁵ Те же изменения наблюдаются и в русской иконописи, и воспринимались и воспринимаются они верующими, как норма и логичный миропорядок. Ведь “ни в одной религии нет такого противоречия между идеєю и фактами, как в христианстве.”⁶ Ощущение несовершенства окружающего мира и наличие в душе и сознании противоположного – идеального – мира не могло не сказаться и в атрибутике христианских обрядов, в том числе в иконе, атрибутирующей молитву. “Иконопись, – пишет Н.Ф.Федоров, – имеет целью не производить иллюзию подобия или живости изображаемого; она стремится посредством символа

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

дать только понятие, только напомнить, и при этом имеется в виду не самая икона, не художественная ее отделка, а то действие, которое она должна производить, та цель, к которой она должна направить.”⁷

К чисто техническим элементам иконописной поэтики отнесем следующие: 1)удлинение человеческих тел и вытекающие отсюда 2)несоразмерность к туловищу маленькой головы и 3)чересчур узкие плечи. Таким образом, младенец Христос, с физической точки зрения, изображается в пропорциях, гораздо более близких пропорциям строения тела взрослого человека, нежели ребенка. Остальные особенности, в частности, самая главная – обратная перспектива – изучены и описаны фундаментально.⁸

Причины нарушения пропорций человеческого тела при их воспроизведении на иконе, изображение младенца Христа в пропорциях взрослого человека имеют, безусловно, чисто идеологический характер. Ребенок пишется как взрослый по устоявшемуся канону, по которому Христос-младенец “обыкновенно больше походит на маленького взрослого человека, с резкими чертами вполне сложившегося характера, как бы для выражения богословской идеи, что Предвечный Младенец, не разделяя с смертными слабостей детского возраста, и в младенческом своем образе являет строгий характер искупителя и небесного Судии.”⁹

Помимо идейных причин есть еще, на наш взгляд, причина идейно-техническая. Т.к. изображение Бога или святых обязательно должно находиться пространственно выше молящегося христианина, как сам Бог реально находится

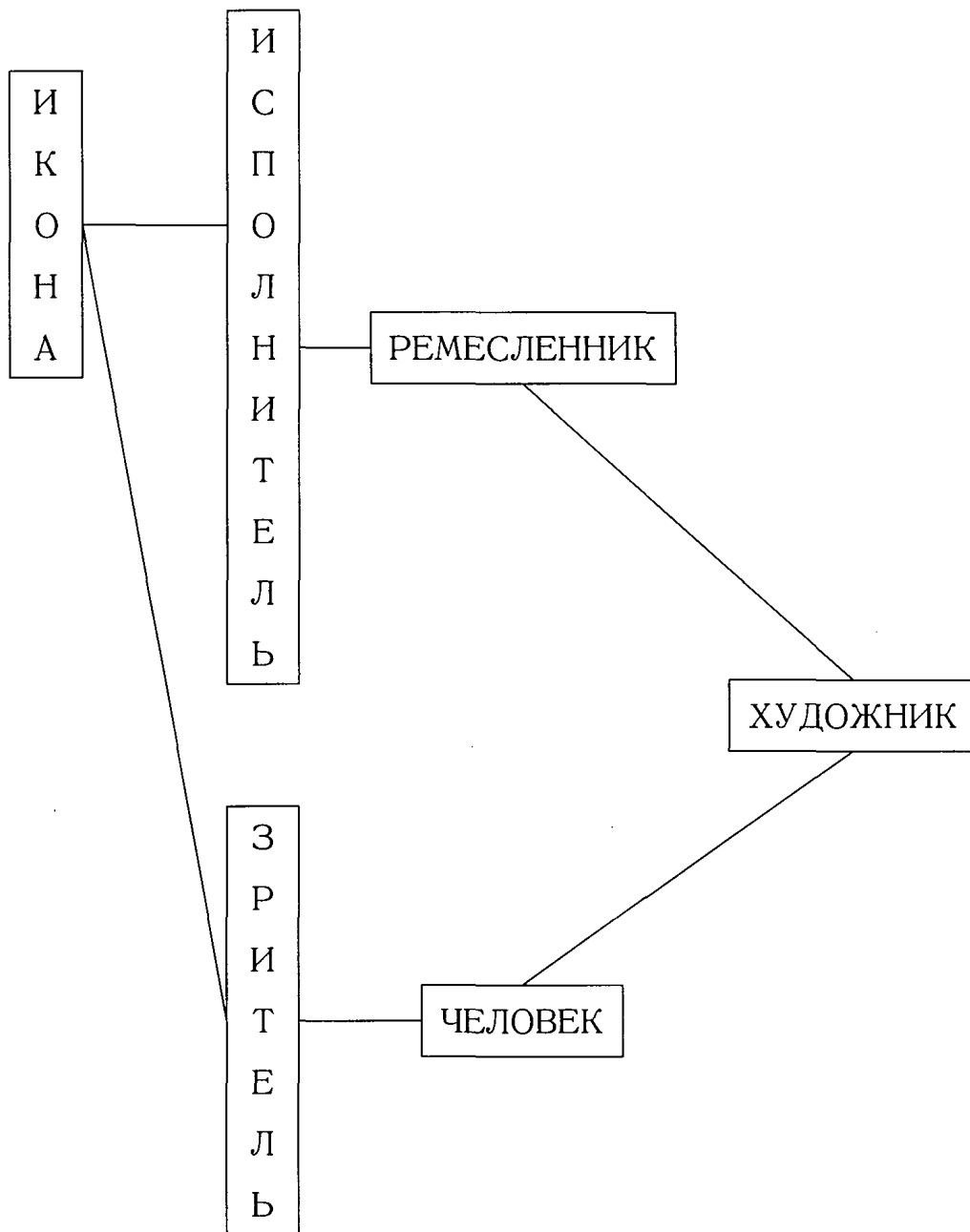
относительно верующего, то икона должна зафиксировать это соотношение. А при наблюдении всякого изображения, включая человеческое тело, если оно (изображение) перемещается снизу вверх, будут отчетливо заметны изменения пропорций изображения по сравнению с тем положением, когда зритель и изображение находятся на одном уровне. Именно, будет удлиниться нижняя часть изображения, укорачиваться – верхняя, по Лобачевскому (неэвклидовой геометрией которого среди прочего интересовался и Достоевский)¹⁰, сужаются вверху (при изображении человека – в голове) параллельные в реальной действительности прямые. Поэтому голова младенца, которая в действительности гораздо больше в пропорциональном отношении к его маленькому телу, чем голова взрослого – по отношению ко взрослому телу, представляется на иконе в пропорциях, гораздо ближе ко взрослым.

Таким образом, сама икона разделяет личность иконописца на две ипостаси: первая – ремесленника, работающего над технической стороной произведения, – находится с иконой на одном зрительном уровне; вторая – наблюдателя с сознанием и миропониманием христианина – располагается значительно ниже иконы, как во время молитвы, когда взгляд на божество снизу – требование обряда.

Здесь совпадают чисто христианское осознание своего положения относительно Бога и ремесленническое мастерство, находясь на одном пространственном уровне с собственным творением, фиксировать взгляд на него снизу.

Продемонстрируем это положение на схеме:

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

В литературе и других видах искусства “ненатуральный” угол зрения объясняет (оправдывает) условность, которая заключается в том, что художник использует - искаженные сообразно с его мировоззрением формы реальности и включает их в контекст произведения, уже не исходя из требований среднего ума зрителя - “чтобы было похоже!”, а исключительно завися от своего собственного композиционно-идейного

замысла. Как говорил Камю, “подобно мыслителю, художник вовлекается в свою работу и в ней становится самим собой. Это взаимовлияние творца и произведения образует важнейшую проблему эстетики”¹¹.

У Достоевского как автора полифонического романа каждое лицо выполняет в романах свою “идеологическую” функцию. Персонаж становится символом, особенно в таком эстетически совершенном и наиболее противоречивом идейно романе, как “Преступление и наказание”. Относительно системы его персонажей М.Бахтин замечал: “Каждое лицо входит<...> в его (Раскольников - Э.В.) внутреннюю речь не как характер или тип, не как фабульное лицо его жизненного сюжета (сестра, жених сестры и т.п.), а как символ некоторой жизненной установки и идеологической позиции, как символ определенного жизненного решения тех самых идеологических вопросов, которые его мучат. Достаточно человеку появиться в его кругозоре, чтобы он тотчас же стал для него воплощенным разрешением его собственного вопроса, разрешением, несогласным с тем, к которому пришел он сам; поэтому каждый задевает его за живое и получает твердую роль в его внутренней речи... В итоге его внутренняя речь развертывается как философская драма, где действующими лицами являются воплощенные, жизненно осуществленные точки зрения на жизнь и на мир”¹².

Таким образом, мы можем наблюдать в “Преступлении и наказании” двойное преломление действительности (главным образом – человеческих натур, включая их внешность) сначала в сознании самого Достоевского, затем – в “воспаленном”

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

сознании Раскольникова. Наличие “зрения Раскольникова”, несомненно, усложняет двукратно понимание авторского замысла. Сам писатель прячется за образ Раскольникова, как, по традиции, прячется автор за образ рассказчика. И это двойное преломление лишней раз оправдывает искажение видимой действительности, в первую очередь – в портрете, каждый из которых является по сути своей аргументом с одной из двух яростно спорящих в романе сторон: непреклонного индивидуализма, основанного на “материальных” действиях и пренебрежении правом каждого человека на счастье и жизнь, и светлого всепрощающего православия, победа которого в довольно искусственном финале вызывает известные сомнения.

С социальной точки зрения соотношение портрета и идеологии персонажа (или его идеологической принадлежности) можно сравнить со взаимоотношениями формы и содержания всякого социального явления – когда среда обитания задает координаты рождающейся в ней идеологии. Достоевский, отдавая дань этому нехитрому принципу, сам настаивает на том, что причины теории, а затем и “практики” Раскольникова лежат в его социальном положении: Пульхерия Александровна, навещая сына, замечает: *“Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, <...> я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик./ – Квартира? .. – отвечал он рассеянно. – Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал...”* (VI, 178). Но, как и полагается в “карнавальном” романе, очень скоро эта чрезвычайно модная во времена Достоевского примитивная социалистическая теория “заевшей среды” находит в противоположной системе координат

контрверсию – она развеивается человеколюбивым Разумихиным: *“Началось с воззрения социалистов. <...> все у них потому, что “среда заела”, – и ничего больше. <...> Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается. У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным <...> Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, – зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется! <...> С одной логикой нельзя через натуру перескочить!”* (VI, 196,197).

Мы не будем останавливать наше внимание на политическом аспекте этой проблемы. Нас интересуют вопросы поэтики. В этом смысле вопрос о “заевшей среде” связан напрямую с эстетическими принципами Достоевского. С одной стороны, его Петербург принципиально реалистичен, и география романа проанализирована в этом направлении достаточно полно¹³. С другой, учитывая главенствующую роль в романах Достоевского персонажа как реального живого человека и вытекающий отсюда гуманистический пафос его произведений, следует отнести критику социалистических воззрений на общественное устройство именно к принципам изображения человека. Проводя анализ поэтики Достоевского в этом направлении, нельзя

замыкаться только на социальной обусловленности персонажей – надо отыскивать иные системы координат, в которых они у Достоевского существуют. Ниже мы попытаемся восстановить одну из таких систем, опираясь на чисто изобразительные средства, используемые писателем.

Нарушение естественных пропорций в иконописном изображении давно уже является предметом научных исследований. В одной из самых фундаментальных работ по русской иконе Б.А.Успенский пишет: “Геометрические деформации перспективного изображения семантически менее важных объектов обозначают действительное положение вещей в мире иконы: деформированные объекты становятся ключом к пространственному восприятию картины. Другими словами, отклонения в области перспективы указывают на координаты фигуры в пространстве, изображенном на иконе, и сообщают систему ориентации, посредством которой они могут соотноситься друг с другом в трех измерениях. Семантически нагруженные фигуры менее подвержены отклонениям в области перспективы и в основном функционируют в системе других, специальных семантических законов. Сочетая две системы: геометрического и семантического синтаксисов картины – можно сравнить изображение с реальностью, то есть перевести изображение на язык действительности.”¹⁴ В применении к композиции литературного произведения, особенно романов Достоевского, можно заметить, что семантически менее нагруженные персонажи своей собственной структурой, а также сообщением друг с другом задают “систему координат” всего произведения, включая принципы формирования и сюжетного

функционирования главных действующих лиц, и содержания основных идейных мотивов.

В “Преступлении и наказании” структуру “второго плана” в значительной степени, помимо сюжета, определяет портрет персонажа. Ниже мы попробуем сопоставить технику портретирования Достоевского (в масштабах “Преступления и наказания”) и некоторые особенности передачи человеческой внешности в русской иконе. При этом, имея в виду амбивалентность художественных образов Достоевского, питаемую “карнавальным началом”¹⁵, определим, что кроме соответствующих законам русской иконописи портретов (в дальнейшем мы будем называть их “иконами”), в романе есть и противоположные по технике и по идейному наполнению описанной внешности персонажи (ниже они будут именоваться “не-иконами”).

Икона как художественная деталь в “Преступлении и наказании” не играет ключевой символической роли. Мотив иконы как детали-символа в романе отсутствует. Называется только Казанская Божия мать, которой связываются воедино Раскольников, о ней вспоминающий, Дуня, которая в воображении брата должна была перед ней молиться, и Пульхерия Александровна, у которой в спальне эта икона стоит (VI, 35).

Да есть еще в романе три фабульно сопоставимых интерьера, в которых отсутствие и присутствие иконы (вернее, икон) все-таки имеет определенное символическое значение. Сравним описание квартиры Алены Ивановны до убийства в сцене первого визита к ней Раскольникова: *“Но в комнате не было ничего*

особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана <...> круглого стола <...> туалета с зеркальцем <...> стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, – вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. <...> Раскольников <...> с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат”(VI, 8–9). Здесь икона всего одна, и значение ее принижается соседством картинок с немецкими (!) барышнями.

Затем в сцене убийства в спальне старухи в дополнение к упомянутым постели и комоду добавляется киот, да еще огромный: “Тотчас же он (Раскольников – Э.В.) побежал <...> в спальню. Это была очень небольшая комната, с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель <...> У третьей стены был комод”(VI, 63). То есть киот с образами, сразу же бросающийся в глаза Раскольникову (и читателю), заменяет собой “грошовых немецких барышень”, причем именно тогда, когда этого требует идейный замысел, в котором антитеза русского православия и остального неправославного мира (немецкого, в первую очередь) играет одну из принципиальных ролей.

Определенную символичность этого киота подтверждает его отсутствие в последнем интерьере старухиной квартиры, которую ремонтируют после ее смерти: “Раскольников встал и пошел в другую комнату, где прежде стояли укладка, постель и

комод; комната показалась ему ужасно маленькою без мебели. Обои были все те же; в углу на обоях резко обозначено было место, где стоял киот с образами”(VI, 134).

Показательно, с точки зрения идеологической, что в обстоятельных интерьерах комнат Раскольникова (VI, 25) и Сони (VI, 241–242) иконы отсутствуют.

Несмотря на очевидность, нельзя все же признавать за этими деталями принципиальной сюжетной роли, т.к. и отдельная икона, и киот были неотъемлемой частью интерьера в православном доме. Предметом наших наблюдений станет иконописная манера Достоевского–портретиста. А именно, мы остановимся только на одном принципе иконописной техники: изображении ребенка (Христа) в пропорциях тела взрослого человека – в его преломлении в сознании Достоевского – писателя, чья религиозность и в литературе, и в сознании очевидна и, если и вызывает сомнения, то только тогда, когда речь идет об оппозиции “Христос – Антихрист”, которая, впрочем, существует в границах христианского мировоззрения. При этом, во избежание односторонности, обратим внимание на амбивалентность этого принципа, т.е. на изображение Достоевским некоторых взрослых его персонажей как детей.

Пристальное внимание и неисчезающий, а, напротив, растущий с годами интерес к детям как к носителям истинно православной мудрости и добродетели обусловили появление образов детей в подавляющем числе произведений Достоевского¹⁶. Масштабы данной работы не позволяют проанализировать с этой точки зрения все программные

произведения писателя. Остановимся на “Преступлении и наказании”.

Портреты ведущих персонажей в “Преступлении и наказании” строятся писателем, исходя не из реальных “фотографических” свойств стоящего за образом реального объекта, но из потребностей Достоевского-философа, стремящегося полностью реализовать в художественном образе свою мораль и идеологию. “У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни,” – пишет Николай Бердяев¹⁷. Иными словами – для создания всеобъемлющего художественно-идеологического образа человека Достоевский не желал автоматически копировать натуральную действительность. Причем нежелание это им никак не скрывалось, а напротив, методично реализовывалось в главных произведениях. Вспомним хотя бы князя Мышкина, чья “детскость” очевидна, акцентируема и, собственно, определяет его несоответствие реальному миру и принадлежность к миру идеальному. (В “Идиоте” князь Мышкин восклицает: *“Какие мы еще дети, Коля! и... и... как это хорошо, что мы дети!”*(VIII,424).

В начале четвертой части того же “Идиота” Достоевский рассуждает на тему второстепенных персонажей и принципах их изображения: *“Есть люди, о которых трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы их разом и целиком, в их самом типическом и характерном виде; это те люди, которых обыкновенно называют людьми “обыкновенными”, “большинством” и которые, действительно, составляют огромное большинство*

всякого общества. Писатели в своих романах и повестях большею частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно, – типы, чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком и которые тем не менее почти действительнее самой действительности. <...> пред нами остается вопрос: что делать романисту с людьми ординарными, совершенно “обыкновенными”, и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие. Наполнять романы одними типами или даже просто, для интереса, людьми странными и небывальными было бы неправдоподобно, да, пожалуй, и неинтересно. По-нашему, писателю надо стараться отыскивать интересные и поучительные оттенки даже и между ординарностями” (VIII, 383–384). Говоря об “оттенках”, Достоевский имеет в виду детали, формирующие идеологический и художественный портрет персонажа. Идеологические нюансы находят себе место в монологе и диалоге – в репликах персонажа, художественные – в описаниях действий и внешности, включая портрет.

Определим “иконные” и “не-иконные” критерии для оценки портретов персонажей. К “иконным” в дальнейшем мы будем относить 1)большие глаза с постоянно фиксированным писателем выразительным (открытым, эмоциональным) взглядом, 2)высокий рост при худой комплекции, 3)внешнюю привлекательность (красоту) или странность (юродивость), а также 4)возрастные

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

несоответствия: дети – “иконы” излишне взрослые (мудры), а взрослые – “иконы” по-детски наивны, т.е. для них характерно несоответствие внешности и возраста в пользу внешности.

“Не-иконные” элементы отметим следующие: 1) маленькие глаза при невыразительном взгляде, 2) малый рост, 3) внешняя непривлекательность (иногда сочетающаяся с анималистическими деталями) и 4) возрастные несоответствия: дети – “не-иконы” чересчур взрослые (как правило, развратны), взрослые – “не-иконы” выглядят гораздо старше своих лет. Конечно, далеко не во всех случаях мы будем наблюдать в портрете все элементы “иконы” или “не-иконы” – как правило, нам будет достаточно выявить 1 – 2 доминирующих в облике детали.

Начнем анализ художественной системы координат романа с персонажей второстепенных. Наиболее показательны для “иконной” ее части здесь

КАПЕРНАУМОВЫ

– хозяева квартиры, где снимает комнату “пошедшая по желтому билету” Соня. Кроме откровенно библейской аллюзии, связанной с фамилией¹⁸, семейство портного представляет собой образец “иконы” – портрета, выполняющего чисто технические – фонообразующие – функции. Нарочитая идеализация или, точнее, “иконизация” здесь Достоевским не скрывается, все скупое описание Капернаумовых сводится к формированию заднего плана для сюжетных движений, связанных с развитием линии Сони.

Впервые это семейство появляется в романе в рассказе Мармеладова о своей дочери: *“Живет же на квартире у портного Капернаутова, квартиру у них снимает, а Капернаутов хром и косноязычен, и все многочисленнейшее семейство его тоже косноязычно. И жена его тоже косноязычная... В одной комнате помещаются <...> Люди беднейшие и косноязычные...”* (VI, 18). Здесь задается система координат: бедность и ненормальность с точки зрения здоровья (хромота) и общения (косноязычие), т.е. явное выделение своей юродивостью из общего фона домохозяев, где преобладают неправославные немцы.

Далее этот единый семейный образ сюжетного развития не получает, а так и остается идеалистическим фоном для Сони, которая практически повторяет Раскольникову слова отца: *“Хозяева очень хорошие, очень ласковые. <...> И очень добрые, и дети тоже ко мне часто ходят... <...> Он заикается и хром тоже. И жена тоже... Не то что заикается, а как будто не все выговаривает. Она добрая очень. А он бывший дворовый человек. А детей семь человек... и только старший один заикается, а другие просто больные... а не заикаются...”* (VI, 242, 243).

И только после двойного акцентирования нашего внимания на юродивости Капернаутовых в косвенном изложении (Мармеладова и Сони) Достоевский дает их портрет, в котором странность и застыбшестъ лишний раз подтверждают его “иконность”: *“Сошлись и от Капернаутовых: сам он, хромым и кривой, странного вида человек с щетинистыми, торчком стоящими волосами и бакенбардами; жена его, имевшая какой-то*

раз навсегда испуганный вид, и несколько их детей, с одеревенелыми от постоянного удивления лицами и с раскрытыми ртами”(VI, 332).

“Странный вид”, “раз навсегда испуганный вид”, “одеревенелые от постоянного удивления лица”, “раскрытые рты” – все эти бросающиеся в глаза элементы юродивости сконцентрированы в весьма сжатом пространственно коллективном портрете. Нарочитое акцентирование ненормальности Капернаумовых формирует лейтмотив идеализации–антиидеализации, который определяет тональность всей поэтики “Преступления и наказания”. Например, заикание (косноязычие) соотносится с глухонемой девочкой–самоубийцей.

Д Е В О Ч К А – С А М О У Б И Й Ц А

Мотив самоубийства в “Преступлении и наказании” важен чрезвычайно: на переднем плане здесь два самоубийства – моральное Раскольникова и физическое Свидригайлова, на втором плане – ряд попыток свести счеты с жизнью некоторых персонажей, на котором особенно заметна девочка–самоубийца из темного прошлого Свидригайлова. О ней сначала рассказывает Пульхерии Александровне и Дуне Лужин (VI, 228), а затем, что лишний раз подтверждает устойчивость мотива, она появляется в бреду Свидригайлова лежащей в гробу: *“Вся в цветах лежала в нем девочка, в белом тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками. Но распущенные волосы ее, волосы светлой*

блондинки, были мокры; венки из роз обвивали ее голову. Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы" (VI, 391). Смерть ребенка – глубоко автобиографический мотив у Достоевского, и портрет девочки-самоубийцы вряд ли нуждается в специальной расшифровке – “иконность” его отчетлива и монументальна. Амбивалентность детского и недетского в возрастных категориях и идейном наполнении – детское начало во взрослых и недетское – в детях – один из основных структурообразующих элементов поэтики Достоевского.

5-ЛЕТНЯЯ РАЗВРАТНИЦА

О роли секса в системе мировоззренческого порядка Достоевского говорить сложно. Грушенька, Настасья Филипповна и им подобные персонажи форсируют эротико-сексуальные мотивы его романов, что позволяет говорить о жгучем подсознательном интересе писателя к этой весьма щекотливой сфере человеческих отношений. Однако секс в произведениях Достоевского оказывается изрядно тяжелым и низменным занятием. Мы не будем вторгаться в биографию писателя, хотя бы потому, что именно в ней лежат корни поэтики “постельных” мотивов его творчества. И остановимся только на одном, достаточно незаметном персонаже “Преступления и наказания”.

Все сексуальное напряжение романа концентрируется в “системе Свидригайлова”. Как двойник Раскольникова, он вбирает в себя те “фрейдистские” реминисценции, которые

несет в себе, как и всякий насильственный акт, преступление Раскольникова, тем самым лишая благородного, в сущности, героя низменной почвы его деяния. Такое “обеление” Раскольникова закономерно – симпатии самого Достоевского к нему очевидны, сочувствие – тоже.

На Свидригайлова же, помимо прочих грехов, взвалена непосильная ноша вселенской похоти. И даже когда его нет рядом, но атмосфера сцены пронизана тягучим дымом низменных, по Достоевскому, страстей, он незримо здесь: в классической сцене с пьяной девушкой на бульваре Раскольников обзывает “Свидригайловым” ищущего дармовых приключений фата. Тем более, в его присутствии привкус нездоровой эротики ощущается гораздо больше. И квинтэссенцией его развратной сущности Достоевский делает пятилетнюю девочку, которая, в числе прочих полупризраков-полулюдей, навещает Свидригайлова в его последнюю ночь на русской земле: *“Он нагнулся со свечой и увидел ребенка – девочку лет пяти, не более, в измокшем, как поломоённая тряпка, платьишке, дрожавшую и плакавшую. Она как будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрела на него с тупым удивлением своими большими черными глазенками и изредка всхлипывала, как дети, которые долго плакали, но уже перестали и даже утешились, а между тем, нет-нет, и вдруг опять всхлипнут. Лицо девочки было бледное и изнуренное; она окостенела от холода <...> Девочка спала крепким и блаженным сном. Она согрелась под одеялом, и краска уже разлилась по ее бледным щечкам. Но странно: эта краска обозначалась как бы ярче и сильнее, чем мог быть обыкновенный детский румянец. “Это лихорадочный румянец”, –*

подумал Свидригайлов, это – точно румянец от вина, точно как будто ей дали выпить целый стакан. Алые губки точно горят, пышут; но что это? Ему вдруг показалось, что длинные черные ресницы ее как будто вздрагивают и мигают, как бы приподнимаются, и из-под них выглядывает лукавый, острый, какой-то недетски-подмигивающий глазок, точно девочка не спит и притворяется. Да, так и есть: ее губки раздвигаются в улыбку; кончики губок вздрагивают, как бы еще сдерживаясь. Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже смех, явный смех; что-то нахальное, вызывающее светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из француженок. Вот, уже совсем не таясь, открываются оба глаза; они зовут его, смеются... Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка”(VI, 392, 293). Страшная метаморфоза “иконного” облика в “не-иконный” концентрирует в себе целый ряд мотивов романа: во-первых, здесь фокусируется принцип оборотничества, чрезвычайно важный в карнавальной психологии автора; во-вторых, именно здесь происходит взрыв сексуального напряжения в романе (в дальнейшем оно никак не проявляется); в-третьих, ужас этого превращения, пускай и помещенного в сон Свидригайлова, вбирает в себя эротические тона других женских персонажей – в первую очередь, пьяной девушки с бульвара ; в-четвертых, тут явно ощутимы педофилческие струны нервного напряжения самого Свидригайлова, другим отголоском которых является девочка-самоубийца. (Здесь на память приходит “Лолита”

Владимира Набокова. Но в связи с ней можно говорить, скорее, просто о сексе, тогда как у Достоевского доминирует нечистая похоть). В-пятых, дальнейшее развитие получает мотив неправославного Запада-заграницы, т.к. девочка становится похожей на камелию, да еще на французскую. И, наконец, в-шестых, оборотничество иконы свидетельствует лишней раз о, мягко говоря, своеобразном отношении самого Достоевского к христианству – и это при откровенно морализаторском тоне “православного” финала романа, что подтверждает, насколько глубоко личным было для писателя двойническое мировоззрение.

Икона-оборотень в системе Свидригайлова соотносится в системе Раскольникова с его теорией. В сцене смерти Мармеладова, при которой присутствует и Раскольников, священник, пытаясь утешить Катерину Ивановну, говорит: *“Бог милостив; надейтесь на помощь всевышнего”*, – на что получает символический ответ: *“Э-эх! Милостив, да не до нас!”* (VI, 144). В этой сказанной в сердцах атеистической сентенции Раскольников (читай, Достоевский) находит объяснение своей теории: если есть такие богом забытые люди, как семейство Мармеладовых, то, стало быть, верно, что сила бога распространяется не на всех людей, но кто же тогда позаботится о *les misérables*? – нужен если не небесный, то земной покровитель изгоев, к которым в романе отнесены не только Мармеладовы, но и все трое Раскольниковы – тут-то и рождается идея о земном боге, и совершенно безразлично, какое имя у него будет: Наполеон, Сверхчеловек или какое-нибудь другое – главное, он возьмет на себя функции бога, Мессии и будет спасать “униженных и оскорбленных”.

Насколько близко было Достоевскому такое мировоззрение, можно судить по противоречивому финалу “Преступления и наказания”, в котором Достоевский усердно формирует евангельские настроения, заставляя Раскольникова читать Священное Писание и спасать из огня детишек, и в котором тот же Достоевский помещает следующие строки: *“Соня боялась его <...> он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого промаху, который со всяким может случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред “бессмыслицей” какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя. <...> он не раскаивался в своем преступлении”*(VI, 416, 417).

Трактовка финала как апофеоза библейского перерождения человека вряд ли уместна: скорее, надо говорить о смерти прежнего Раскольникова и о рождении нового человека – не-Раскольникова, хотя слово “перерождение” принадлежит здесь самому автору. Для Достоевского как для “автора” нескольких десятков смертей интуитивно гораздо ближе полный разрыв с прошлым, в том числе и физическим, своим существованием. Сведение счетов с жизнью Свидригайловым в художественном плане неизмеримо естественнее, правдоподобнее, чем сусальность финала романа, пускай и в сценах перед и во время самоубийства есть множество мистических и сюрреалистических деталей: призраки из прошлого, мышь в постели, Ахиллес. А-сексуальность главного

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

героя тоже свидетельствует об определенной доле искусственности, идеальности его образа, что косвенно сопоставимо с иконописью, писавшей на досках а-сексуальный мир (а в нашей терминологии Раскольников все-таки “икона”). Интимные контакты с женщинами для Раскольникова невозможны, но не потому что он истощен голодом и болезнью, а потому что он персонаж идеологически “сознательный”, т.е. связанный с автором через сознание, а Свидригайлов идеологически “подсознателен”, отсюда и невозможна его идеальность. Но истинная сущность этой двойнической пары – в неистребимом желании быть рядом друг с другом, следить друг за другом, быть нужными друг другу – наверное, именно таким представлял Достоевский свой внутренний мир.

НЕВЕСТА РАСКОЛЬНИКОВА

У двойников, Раскольникова и Свидригайлова, в романе есть невесты. Обе они имеют портреты. Портрет невесты Раскольникова сначала дается в пересказе Пульхерии Александровны и Разумихина: “<...> известно ли вам, как он (Раскольников – Э.В.), полтора года назад, меня (Пульхерию Александровну – Э.В.) изумил, потряс и чуть совсем не уморил, когда вздумал было жениться на этой, как ее, – на дочери этой Зарницыной, хозяйки его? <...> Узнал я (Разумихин – Э.В.), что брак этот, совсем уже слаженный и не состоявшийся лишь за смертью невесты, был самой госпоже Зарницыной очень не по душе... Кроме того, говорят, невеста была собой даже

не хороша, то есть, говорят, даже дурна... и такая хвоя, и... и странная... а впрочем, кажется, с некоторыми достоинствами. Непременно должны были быть какие-нибудь достоинства; иначе понять ничего нельзя... ” (VI, 166).

Странность невесты, обязательность наличия у нее “некоторых достоинств” – элементы традиционные в портретной технике Достоевского.

Чуть ниже о ней рассказывает матери и сестре сам Раскольников: *“Она больная такая девочка была, <...> совсем хвоя; нищим любила подавать, и о монастыре все мечтала, и раз залилась слезами, когда мне об этом стала говорить<...> Дурнушка такая... собой. Право, не знаю, за что я к ней тогда привязался, кажется за то, что всегда больная... Будь она еще хромя аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбил... (Он задумчиво улыбнулся). Так... какой-то бред весенний был...” (VI, 177).*

Странность и болезненность суть признаки необычности персонажа, структурообразующие элементы “иконного – не-иконного” мира. Любовь за безвинное страдание – мотив, который берет начало еще во сне Раскольникова с убийством лошади.

И в третий раз Достоевский помещает описание внешности невесты Раскольникова уже в конце шестой части, перед последним разговором Раскольникова с Соней перед признанием: *“Он (Раскольников – Э.В.) подошел к столу, взял одну толстую, запыленную книгу, развернул ее и вынул заложенный между листами маленький портретик, акварелью, на слоновой кости. Это был портрет хозяйкиной дочери, его*

бывшей невесты, умершей в горячке, той самой странной девушки, которая хотела идти в монастырь. С минуту он всматривался в это выразительное и болезненное личико, поцеловал портрет и передал Дунечке.

- Вот с нею я много переговорил и об этом, с нею одной, - произнес он вдумчиво, - ее сердцу я много сообщил из того, что потом так безобразно сбылось. Не беспокойся, - обратился он к Дуне, - она не согласна была, как и ты, и я рад, что ее уже нет”(VI, 401).

В этой сцене происходит метаморфоза персонажа - из фигуры второго или даже третьего ряда она вдруг выходит на передний план, становясь для Раскольникова исповедальной иконой. Ее портрет становится иконой - и это соотносимо с системами координат романа: для православной темы используется традиционная церковная атрибутика, например, крестики Сони, - для темы Наполеона используется прием сакрализации бытового предмета - простой акварели. Для глубоко индивидуального, закрытого от внешних христианских обрядов мира Достоевского такая акварель действительно могла заменить икону - конкретный человек для Достоевского куда важнее и ближе, чем отвлеченный, закопченный лампадой лик.

НЕВЕСТА СВИДРИГАЙЛОВА

Изображение Богоматери с Христом-младенцем на православных иконах в плане содержания прямо сопоставимо с Сикстинской Мадонной Рафаэля. При этом Достоевского здесь

привлекает именно юродивость центрального персонажа. Циник Свидригайлов, говоря о своей невесте, достаточно внятно формулирует эстетические и идейные принципы, определяющие его (и авторское?) отношение к женщине и к портрету: *“Не знаю, как вы насчет женских личек, но, по-моему, эти шестнадцать лет, эти детские еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости, – по-моему, это лучше красоты, а она еще к тому ж и собой картинка. Светленькие волоски, в маленькие локончики барашком взбитые, губки пухленькие, аленькие, ножки – прелесть!.. <...> Я с нею раза два переговаривал – куда не глупа девчонка; иной раз так украдкой на меня взглянет – ажно прожжет. А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны. Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вам это не бросалось в глаза?”*(VI, 369).

Перед смертью Свидригайлов заезжает к невесте и замечает *“в ее глазках хотя и детское любопытство, но вместе с тем и какой-то очень серьезный, немой вопрос”*(VI, 369).

Браки не складываются ни у Раскольникова, ни у Свидригайлова: в первом случае умирает невеста, во втором – погибает жених. Гипериндивидуализм, которым отмечена эта пара, по Достоевскому, не может вынести вторжения в свой мир иного сознания. Поэтому, находясь в одной системе координат, эти персонажи подсознательно тянутся друг к другу, но не могут принять никого внутрь своей системы. Одиноким уходит из жизни Свидригайлов, осознав невозможность счастья с Дуней; одинок до самых последних страниц и Раскольников, союз которого с Соней странен и неоднозначен вплоть до

финального занавеса.

Теперь, прежде чем обратиться к портретам главных действующих лиц, сделаем несколько замечаний по поводу фигур третьего ряда.

ФОНОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ

А Р Т Е Л Ь Щ И К И Х О З Я Й К А

Во второй части, когда Раскольников приходит в себя после лихорадочного бреда, в его комнате появляются артельщик, который приносит ему 35 рублей от купца Вахрушина, и его хозяйка.

“Это был молодой парень в кафтане, с бородкой, и с виду походил на артельщика. <...> Она (хозяйка – Э.В.) и всегда была застенчива и с тягостию переносила разговоры и объяснения; ей было лет сорок, и была она толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и от лености; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверх необходимости.”
(VI, 92, 93)

Фигуры эти фоновые, подтверждающие лишний раз систему парности персонажей “Преступления и наказания”, так же как и

П О С Е Т И Т Е Л И Р А С П И В О Ч Н О Й И З

П Е Р В О Й Ч А С Т И:

“<...> один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седой бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке...” (VI, 11); и

Ж Е Н Щ И Н Ы В У Ч А С Т К Е И З П Е Р В О Й

Ч А С Т И:

“Между посетителями было две дамы. Одна в трауре, бедно одетая, сидела за столом против письмоводителя и что-то писала под его диктовку. Другая же дама, очень полная и багрово-красная, с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с брошкой на груди, величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала”(VI, 75).

Здесь развивается тема двойничества. Ее фон формируется в романе именно такими парами: третьестепенные персонажи сдвоены, парны. Например, в первой части: в трактире показаны одновременно хозяин заведения и мальчишка за стойкой (VI, 11 – 12), два посетителя распивочной (VI, 11), о которых упоминалось выше, при встрече с Лизаветой – мещанин с женой (VI, 51), Никодим Фомич и Илья Петрович в участке (VI, 79) и т.п.

Как правило, эти персонажи маркируются одной-двумя деталями, соотносящими их с персонажами первого плана. Например,

ХОЗЯИН РАСПИВОЧНОЙ ИЗ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

“Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а все лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок.”
(VI, 11–12)

Как и в портретах Алены Ивановны, Достоевский выделяет в портрете хозяина сальный блеск: у старухи – намащенные волосы, у хозяина – засаленный жилет и лоснящееся лицо. Это, безусловно, усиливает отрицательные коннотации “не-иконных” портретов.

Персонажи, перечисленные выше, действуют на малых пространствах – как правило, в помещениях. Вторая группа фоновых персонажей более “открыта”.

УЛИЧНЫЕ ПЕВЦЫ

Мотив лицедейства проходит не только передним планом по линиям Свидригайлова и Порфирия Петровича, но и задним. Здесь надо прежде всего обратить внимание на “уличный

театр”, квинтэссенцией которого становится сцена с Катериной Ивановной и ее детьми. Кроме нее, в романе есть еще девушка, поющая под шарманку: *“Не доходя до Сенной, на мостовой, перед мелочною лавкой, стоял молодой черноволосый шарманщик и вертел какой-то весьма чувствительный романс. Он аккомпанировал стоявшей впереди него на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантильке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; все это было старое и истасканное. Уличным, дребезжащим, но довольно приятным голосом она выпевала романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки”* (VI, 121). Бросающееся в глаза сходство в одежде этой певички с Соней (вызывающий наряд, огненное перо в шляпке) рождает параллельные ассоциации между уличным театром и проституцией. Здесь подчеркивается родственность этих занятий, их низость, но, в то же время, их неискренность, т.е. и у уличной певички, и у проститутки остается шанс на спасение души, если уже тело приходится выносить на всеобщее обозрение.

Еще одна пара певцов будет сопровождать Раскольникова - во встрече со Свидригайловым в трактире, где находятся *“мальчик-шарманщик, с маленьким ручным органчиком, и здоровая, краснощекая девушка в подтыканной полосатой юбке и в тирольской шляпке с лентами, певица, лет восемнадцати, которая, несмотря на хоровую песню в другой комнате, пела под аккомпанемент органчика, довольно сильным контральтом, какую-то лакейскую песню...”* (VI, 355). Здесь уже, благодаря присутствию Свидригайлова, включен иной регистр: явно ощущается мотив разврата, хотя никакой принципиальной роли в

сюжете эта пара не играет.

Г У Л Я Ш И Е Д Е В К И

Фигуры эти – третьего ряда, и мы останавливаем на них внимание только потому, что Достоевский их портретирует: *“Раскольников остановился у большой группы женщин. Они разговаривали сильными голосами; все были в ситцевых платьях, в козловых башмаках и простоволосые. Иным было лет за сорок, но были и лет по семнадцати, почти все с глазами подбитыми. Его почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу... <...>*

– Не зайдете, милый барин? – спросила одна из женщин довольно звонким и не совсем еще осипшим голосом. Она была молода и даже не отвратительна – одна из всей группы.<...>

Она законфузилась.

– Я, милый барин, всегда с вами рада буду часы разделить, а теперь вот как-то совести при вас не соберу. Подарите мне, приятный кавалер, шесть копеек на выпивку!

Раскольников вынул сколько вынулось: три пятака.

– Ах, какой добреющий барин!

– Как тебя зовут?

– А Дуклиду спросите.

– Нет уж, это что же, – вдруг заметила одна из группы, качая головой на Дуклиду. – Это уж я и не знаю, как это так просить! Я бы, кажется, от одной только совести провалилась...

Раскольников любопытно поглядел на говорившую. Это была рябая девка, лет тридцати, вся в синяках, с припухшею верхнею губой. Говорила и осуждала она спокойно и серьезно” (VI, 122, 123).

С точки зрения идейного замысла, сцена эта является как бы прелюдией к дальнейшему развитию темы проституции – конечно, в образе Сони и, отчасти, – Дуни. Надо отметить, что здесь, в столь не подходящей для высоких материй обстановке, поднимается вопрос о совести, а за ним – встает проблема выбора между нищенским попрошайством и честным профессиональным заработком; иными словами – выбор между бездействием и деятельностью, являющийся принципиальным в молчаливом споре антагонистов – Мармеладова и Раскольникова.

У Т О П Л Е Н Н И Ц А

Фигура эта фоновая, укрепляющая мотив самоубийства, в портретном плане соотносима с Лизаветой и с Мармеладовым, но если так, то только утрированно: “Он (Раскольников – Э.В.) почувствовал, что кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул – и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испитым лицом и с красноватыми, впавшими глазами. Она глядела на него прямо, но, очевидно, ничего не видала и никого не различала.” (VI, 131) Больше Афросиньюшка походит своей пьяной неменяемостью на девушку с бульвара.

Г О С П О Д И Н Н А Б У Л Ъ В А Р Е

Хрестоматийная девушка на бульваре появляется “в компании” жирного господина и участливого городского. Фигура господина – типичная “не-икона”, особого интереса в силу своей похотливой однозначности для наших наблюдений не представляет, хотя в сочетании с тем, что Раскольников обзывает его Свидригайловым, можно с определенной долей условности говорить о том, что он – примитивизированные Свидригайлов и Лужин, вместе взятые: *“Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и усиками, и очень щеголевато одетый.”*(VI,40)

Г О Р О Д О В О Й Н А Б У Л Ъ В А Р Е

В его облике, обрисованном вскользь, выделяется разумное, вернее, как покажут его дальнейшие действия, по-житейски расчетливое начало: *“Это было бравое солдатское лицо с седыми усами и бакенами и с толковым взглядом. <...> Городовой мигом все понял и сообразил. <...> искреннее сострадание изобразилось в его чертах.”* (VI, 41) Расчетливость его выделена тем, что “искреннее сострадание” на его лице “изобразилось”, а не он сам вдруг стал страдать, как это неустанно делают ведущие персонажи романа. Этот городской, дивясь метаморфозам истерзанного внутренними противоречиями Раскольникова, продолжает опеку пьяной девушки, “разумно” принимая его за помешанного, *“или за*

что-нибудь еще хуже” (VI,42). Городовой с бульвара, несомненно, есть увертюра к достаточно принципиальной для идейного замысла романа фигуре Разумихина, первая встреча с которым следует непосредственно за сценой с пьяной девушкой на бульваре.

ДЕВУШКА НА БУЛЬВАРЕ

Образ этот, с точки зрения “иконности”, чрезвычайно важный. С него начинается фабульная “иконная” линия Сони и Дуни. Причем эта линия уже сюжетно подготовлена – рассказом о Соне Мармеладова в распивочной и письмом Пульхерии Александровны из дома о злоключениях Дуни – и вызревает в бесконечной тоске¹⁹ Раскольникова, которая к моменту встречи с девушкой приняла *“форму ужасного и дикого вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя решения”*. (VI,39)

Облик девушки “иконичен” (возраст, детские черты), но точнее его можно определить как “икону, над которой надругались”: *“<...> в идущей женщине было что-то такое странное и, с первого же взгляда, бросающееся в глаза <...> Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая руками. На ней было шелковое, из легкой материи (“матерчатое”) платьице, но тоже как-то очень чудно надетое, едва застегнутое сзади и у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клоч отставал и висел*

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

болтаясь. Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала как-то криво и боком. К довершению, девушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны. <...> дойдя до скамьи, она так и повалилась на нее, в угол, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза <...> она совсем была пьяна. <...> Пред ним (Раскольниковым – Э.В.) было чрезвычайно молоденькое личико, лет шестнадцати, даже, может быть, только пятнадцати, – маленькое, белокуренькое, хорошенькое, но все разгоревшееся и как будто припухшее.” (VI,40) Здесь, кроме линии идеологической – поруганной чести, есть еще и линия чисто визуальная – постоянное выделение Достоевским внешних несоответствий существующего должному, что мы относим к “иконописной” технике: возрастной контраст (на деле – девушка вместо женщины), узнавание чужой руки в одежде, неестественность движений. “Странность” поведения девушки фабульно объясняется тем, что она пьяна; с точки зрения же поэтики романа, она стоит в одном ряду с другими “странными” персонажами, возглавляет который Лизавета.

И последнее “фоновое” действующее лицо, которое по своему сюжетному значению – промежуточное звено, связывающее третий план романа со вторым и первым:

З О С И М О В

Персонаж этот “не-иконен”. Его базовый портрет дается во второй части, когда он (врач) по просьбе Разумихина

приходит осмотреть Раскольникова: *“Зосимов был высокий и жирный человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладковыбритым лицом, с белобрысыми прямыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жиру пальце. Было ему лет двадцать семь. Одет он был в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще все было на нем широко, щегольское и с иголки; белье безукоризненное, цепь к часам массивная. Манера его была медленная, как будто вялая и в то же время изученно-развязная; претензия, впрочем усиленно скрываемая, проглядывала поминутно. Все, его знавшие, находили его человеком тяжелым, но говорили, что свое дело знает.”* (VI, 103) Здесь, кроме “не-иконных” аксессуаров (жирный, одутловатое лицо, большой перстень, щегольская одежда), в его облике есть еще и линия лицедейства: она – в замечании о претензии. Зосимов – из компании Лужина-Свидригайлова, где актерство является содержанием жизни – и большой перстень их объединяет. Следует также напомнить, что в первоначальных планах романа Достоевский делал Лизавету беременной от Зосимова. В окончательный текст эта деталь не вошла: видимо, писатель не посчитал возможным обнаруживать связи таких людей, как Зосимов, с “иконным” миром (у Лужина с Дуней тоже так далеко дело не заходит). В случае сохранения этой детали в окончательной редакции “Преступления и наказания” было бы необходимо “оформить” ее как поругание Лизаветы, но это значительно отяжелило бы ее сюжетную линию и внесло бы излишнюю идеализированность этого и без того чрезвычайно положительного персонажа.

Теперь перейдем к рассмотрению персонажей, доминирующих в сюжете и идеологии романа.

М Е Щ А Н И Н

Обычно в аналитических работах по “Преступлению и наказанию” этому персонажу не уделяется много внимания – видимо, из-за незначительной его сюжетной роли. Тем не менее при пристальном прочтении можно обнаружить ряд элементов, включая чисто изобразительные, которые принципиально важны для понимания авторского замысла.

Впервые этот мещанин появляется без портрета в сцене из первой части, где вместе с женой он разговаривает с Лизаветой. Здесь важно то, что именно мещанин приглашает (“громко говорил” – VI, 51) Лизавету к себе в гости поторговаться с кем-то насчет тряпок – и именно на завтра, на семь часов, тем самым провоцируя Раскольникова назначить на это время свою “пробу” со старухой, т.е. мещанин “запускает” фабульную машину романа.

Второй раз мещанин вторгается уже непосредственно в сознание Раскольникова, обвиняя его в убийстве: *“Дворник <...> указывал <...> какому-то невысокому человеку, с виду похожему на мещанина, одетому в чем-то вроде халата, в жилетке и очень походившему издали на бабу. Голова его, в засаленной фуражке, свешивалась вниз, да и весь он был точно сгорбленный. Дряблое, морщинистое лицо его показывало за пятьдесят; маленькие, заплывшие глазки глядели угрюмо,*

строго и с неудовольствием. <...> Мещанин скосил <...> глаза исподлобья и оглядел его (Раскольников - Э.Ю.) пристально и внимательно, не спеша <...> Мещанин <...> поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова” (VI, 208–209). И далее, произносит дважды “убивец”(VI, 209).

Портрет этот – типичная “не-икона” – содержит мотив трагедии (“походившему издали на бабу”), который в романе развивается в рамках “бесполого православия”, т.е. независимого от пола равенства перед Богом. Вопрос для “Преступления и наказания” не праздный. Идеал Достоевского – Соня, и ее можно соотнести в этом смысле с пушкинской Татьяной Лариной.

Вопрос о месте женщины в мироздании сформулирован в романе предельно категорически уже в его начале, в разговоре Раскольникова с Разумихиным о переводах, причем – отметим особо – с немецкого. Разумихин – Раскольникову: *“Вот ты всегда утверждал, что я глуп; ей-богу, брат, есть глупее меня! <...> Вот тут два с лишком листа немецкого текста, – по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек. <...> хочешь второй лист “Человек ли женщина?” переводить?”* (VI, 88). Конечно, тема эта – одна из реалий времени Достоевского. Но в структуре романа есть ряд “технических” элементов, демонстрирующих, насколько важна была эта, в сущности, газетная тема для писателя. И, прежде всего, с точки зрения мессии. К “техническим элементам” отнесем, кроме “похожести на бабу” мещанина, слова Раскольникова к

Разумихину: “<...> мне так грустно, так грустно! точно женщине... право!” (VI, 150) – и тираду слабо разбирающегося в русском наименовании социальных институтов, как, впрочем, и во всем русском языке, Лебезятникова: “Черт возьми, я иногда мечтаю, что если бы меня выдали замуж, тьфу! если б я женился <...>, я бы, кажется, сам привел к жене любовника” (VI, 290).

То, что трагический мотив в связи с мещанином достаточно принципиален в мотивной структуре романа, подтверждает его портрет во время третьей встречи с Раскольниковым, когда мещанин извиняется за оговор: “<...> вдруг показалась фигура – вчерашнего человека из-под земли. <...> Он был точь-в-точь как и вчера, такая же фигура, так же одет, но в лице и во взгляде его произошло сильное изменение: он смотрел теперь как-то пригорюнившись и, постояв немного, глубоко вздохнул. Недоставало только, чтоб он приложил при этом ладонь к щеке, а голову скривил на сторону, чтоб уж совершенно походить на бабу” (VI, 274). От этого “подземного” мещанина – через “похожесть на бабу” – Достоевский перебрасывает мостик к Порфирию Петровичу. Причем, кроме портретных деталей, связь идет еще и через Гоголя, которого привечает Порфирий Петрович и чей Плюшкин сквозит в облике мещанина (и, кстати, в облике Алены Ивановны).

Л У Ж И Н

Самый отъявленный негодяй в романе появляется в

середине второй части в камерке Раскольникова: “Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожной и брюзгливою физиономией, который начал тем, что остановился в дверях, озираясь кругом с обидно-нескрываемым удивлением и как будто спрашивая взглядами: “Куда ж это я попал?” Недоверчиво и даже с аффектацией некоторого испуга, чуть ли не оскорбления, озирает он тесную и низкую “морскую каюту” Раскольникова. <...> в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно, нечто как бы оправдывавшее название “жениха”, так бесцеремонно ему сейчас данное. Во-первых, было видно и даже слишком заметно, что Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтобы успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты, что, впрочем, было весьма позволительно. <...> Все платье его было только что от портного, и все было хорошо, кроме разве только того, что все было слишком новое и слишком обличало известную цель. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр Петрович как-то уж слишком почтительно с ней обращался и слишком осторожно держал ее в руках. Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеневских перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для парада. В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и юношесственные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже к

лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле блиставшего подбородка. Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах, ибо придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец. Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и отталкивающее, то происходило уж от других причин.” (VI,111, 113-114)

В этом сверхобстоятельном портрете можно без особого труда рассмотреть психологический принцип описания внешности Лужина: здесь Достоевский буквально настаивает на том, что его красивый костюм и недурная наружность не являются для Лужина порочными проявлениями – напротив, писатель убеждает нас в том, что именно внешнее проявление есть единственная логическая ипостась Петра Петровича. Отсюда напрашивается антитеза к его внутреннему содержанию, пустота которого станет очевидна в романе немногим позже.

В портрете этом Достоевский показывает себя знатоком семиотики костюма: постоянные намеки на “известную цель” в сочетании с детальным описанием облика Лужина откровенно свидетельствуют о прекрасной осведомленности писателя в законах внешнего воздействия на окружающих, прежде всего, на дам, которым следуют господа лужинского круга. Правда, при всей серьезности в расшифровке внешнего вида персонажа

Достоевский не может не удержаться от сравнения бакенбард с котлетами, а завитого у столичного цирюльника россиянина – с немцем, что заметно принижает значение столь добротного, фундаментального анализа. Эта ирония писателя по отношению к облику Лужина перерастает в дальнейшем в сарказм ядовитого Раскольникова при общении его с будущим зятем.

В портрете Лужина господствуют “не-иконные” элементы, кроме, пожалуй, возраста, но его молодость здесь легко объясняется не внутренней красотой и свежестью (как, например, у Пульхерии Александровны), а его чисто внешними, “петушиными” заботами. Чрезвычайно новое, не привыкшее еще к телу платье, а также слишком новые перчатки и шляпа, выполняющие в руках у Лужина не функциональную, а чисто декоративную роль, рожают мотив лицедейства, который в дальнейшем разовьется в “спектакль” с ассигнацией. “Спектакль” бесславно провалится, как и вся “театральная” затея Лужина одолеть Петербург и взять в жены покорную молодую красавицу.

И то, что благообразный внешний вид жениха есть лишь маска, подтверждается заключительными словами из процитированного фрагмента о “других причинах”: т.е. причины отталкивающего впечатления о Лужине не снаружи, а внутри его.

Шляпа также продолжает здесь мотив циммермановской шляпы Раскольникова и на уровне детали рождает фабульную антистетичность этих персонажей: Раскольников от шляпы хочет избавиться – Лужин ее наоборот приобретает и заботливо лелеет.

Выделим еще два замечания о внешности Петра Петровича из пятой части. Сначала он поднимается утром с постели после проигранного накануне боя с семейством Раскольниковых: *“Черный змей ужаленного самолюбия всю ночь сосал его сердце. Встав с постели, Петр Петрович тотчас же посмотрелся в зеркало. Он опасался, не разлилась ли в нем за ночь желчь? Однако с этой стороны все было покамест благополучно, и, посмотрев на свой благородный, белый и немного ожиревший в последнее время облик, Петр Петрович даже на мгновение утешился”* (VI, 276–277). Герои “иконного” ряда особого интереса к своей внешности не испытывают: ни Раскольников, ни Дуня, ни Соня в зеркало в романе не смотрятся. Неслучайно это постоянное стремление Лужина контролировать свой внешний вид в окружении других людей в этой сцене подчеркивается саркастической улыбкой присутствующего рядом Лебезятникова: *“<...> улыбку эту Петр Петрович заметил и про себя тотчас же поставил ее молодому своему другу на счет. Он уже много успел поставить ему в последнее время на счет.”* (VI, 277) – никакой внешней и идеологической замкнутости у Лужина нет, напротив, он живет только внешним миром.

Ниже, в сцене с Соней, Достоевский сводит воедино “денежную” тему их разговора и внешность Лужина: *“Она уставилась было взглядом на золотой лорнет Петра Петровича, который он придерживал в левой руке, а вместе с тем и на большой, массивный, чрезвычайно красивый перстень с желтым камнем, который был на среднем пальце этой руки, – но вдруг и от него отвела глаза”* (VI, 287). Перстень, роднящий его владельца со Свидригайловым (и Зосимовым), и лорнет,

продолжающий тему “внешнего зрения”, завершают формирование облика этого однозначно “не-иконного”, лишённого авторского сочувствия персонажа.

Л Е Б Е З Я Т Н И К О В

Молодой “друг и сожитель” Лужина Андрей Семенович Лебезятников играет в романе второстепенную, но, с идеологической точки зрения, существенную роль – это персонаж, который своим развитием демонстрирует возможность перехода человека из “не-иконного” мира в “иконный”.

Первое же появление его в романе вызывает у читателя (следом за Достоевским) резко отрицательные эмоции: *“Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человечек, маленького роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами в виде котлет, которыми он очень гордился. Сверх того, у него почти постоянно болели глаза. <...> Андрей Семенович действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к “молодым поколениям нашим” – по странности. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат.”*(VI,279) Желчный тон Достоевского по отношению к Лебезятникову, гордящемуся то ли бакенбардами, то ли котлетами, вполне уместен, т.к.

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

дальнейшие идеологические его выступления действительно обнаруживают в нем человека никудышного и слабо в теориях разбирающегося. Чисто гоголевское сочетание несочетаемых характеристик “где-то служивший и до странности белокурый” усугубляют авторскую иронию. А одинаковость бакенбардов (как у Лужина) прочно закрепляет его в лужинском (“не-иконном”) лагере.

Однако события, связанные с попыткой Лужина оклеветать Соню, поворачивают развитие этого персонажа в ином направлении. Для Достоевского неважно, что на лице у человека, важно – что в душе. Небрежение формальным своим выражением свойственно в романе всем “иконным” действующим лицам – прежде всего Раскольникову и Соне. Когда Лебезятников удивительно бестолково разъясняет истинную роль Лужина в истории со сторублевым билетом, его косноязычие (вспомним Капернаумовых) относит его уже к “иконному” миру – здесь главное не форма подачи адвокатской речи, а ее суть, ее содержание, несущее оправдание несчастной и кроткой Соне: *“Когда Андрей Семенович закончил свои многословные рассуждения, с таким логическим выводом в заключении речи, то ужасно устал, и даже пот катился с его лица. Увы, он и по-русски-то не умел объясняться порядочно (не зная, впрочем, никакого другого языка), так что он весь, как-то разом, истощился, даже как будто похудел после своего адвокатского подвига.”*(VI,307) Так с Лебезятниковым входит в роман идея незамкнутости, открытости “иконного” пространства. У Лебезятникова во внешних его проявлениях только два “иконных” параметра: молодость в сочетании с

незнанием иностранных языков – на этой нехитрой основе Достоевский и начинает мостить ему дорогу в православный мир добра и справедливости. С другой стороны, постоянное авторское унижение Лебезятникова лишний раз укрепляет читателя в мысли о том, насколько низок и гнусен Лужин, если уж даже такое убожество, как Лебезятников, встало против него.

З А М Е Т О В

Письмоводитель Заметов имеет откровенно “не-иконную” внешность, и при этом необходимо отметить в его облике принципиально важное для “не-иконы” у Достоевского несоответствие его молодого возраста более солидной, слишком “взрослой” внешности. Персонажи, не соответствующие нравственным критериям автора, наделяются противоположными “иконному” миру характеристиками. Писатель выделяет обратное несоответствие облика и возраста, усугубляя его деталями, которые подтверждают материалистическое начало жизненной позиции действующего лица.

Заметов – фигура второго ряда, но она достаточно важна для формирования “иконно-не-иконной” системы романа, поэтому автор достаточно подробно описывает его внешность. Сначала Заметов выделяется в сцене в участке из второй части своей непарностью, т.е. индивидуальностью, в отличие от других присутствующих здесь парных персонажей третьего плана – двух дам и Никодима Фомича с Ильей Петровичем: *“Это был очень*

молодой человек, лет двадцати двух, с смуглою и подвижной физиономией, казавшеюся старше своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете. С одним бывшим тут иностранцем он даже сказал два слова по-французски, и очень удовлетворительно.”(VI,76) Конечно, “бывший тут иностранец”, абсолютно Достоевским не дифференцированный, “подсунут” автором Заметову, чтоб его добротным французским укрепить заметовское положение в “не-иконном” мире.

Иностранные языки у Достоевского – своего рода индикаторы, но не образованности и интеллекта, а отказа от национальной почвы. Эта проблема требует, безусловно, тщательной разработки. Оппозиция “русское-иностранное” вообще является принципиально важной для писателя как противопоставление православного мира неправославному, а, в более широком смысле, – этого и того света: например, “поездка” Свидригайлова в Америку конструируется изначально, как дорога к смерти, но не потому, что Америка недостижима (как, к примеру, Москва для трех сестер у Чехова), а потому, что всякая заграница есть тот свет. Такое восприятие мироздания вполне соотносимо с миропониманием человека эпох славянских древностей и русского Средневековья, также считавшего, что пересекая границы своей страны, он вступает во владения смерти – мир антиповедения, где все наоборот.

Будучи в весьма откровенных, в смысле портрета, связях с Лужиным и Свидригайловым, Заметов удостоивается второго портрета – в той же второй части, в трактирной сцене с

Раскольниковым за газетой: “<...> *Заметов, тот же самый Заметов и в то – м же виде, с перстнями, с цепочками, с пробором в черных вьющихся волосах, в щегольском жилете и в несколько потертом сюртуке и несвежем белье. Он был весел, по крайней мере очень весело и добродушно улыбался. Смуглое лицо его немного разгорелось от выпитого шампанского.*” (VI, 124) Принципиальных изменений в портрете не происходит, как и должно быть с такой “статичной”, с точки зрения душевных колебаний и поисков, фигурой – постоянные метаморфозы облика являются в романе уделом прежде всего Раскольникова, Свидригайлова и Порфирия Петровича. Однако несвежее белье и потертый сюртук все же приближают его к “компании” неряхи Раскольникова и отдаляют от “чистюль” типа Лужина или Свидригайлова.

Затем, именно в разговоре с Заметовым, как бы чувствуя в нем хоть и ровесника, да по натуре чужого, Раскольников впервые заводит речь о том, что, может быть, это он убил старуху с сестрой (VI,128) Интересно также и то, что Заметов разговаривает с Раскольниковым не с тем, чтобы уличить его в преступлении, а чтобы проверить “известный пункт” своего начальника Ильи Петровича о сумасшествии бывшего студента. Это “потенциальное” сумасшествие свидетельствует о непреодолимости моральной преграды между Раскольниковым и участком, в котором Заметов служит вплоть до конца шестой части.

Как Лебезятников, защитив Соню, сумел шагнуть из “не-иконного” мира в “иконный”, так и Заметов – тоже молодой персонаж – оказывается удостоенным Достоевским той же чести.

Во время своего последнего визита в участок Раскольников узнает, что Заметов там уже больше не служит, но, как рассказывает об этом Илья Петрович, ушел он из участка отнюдь не вверх по служебной лестнице: *“<...> Заметова у нас нет, <...> лишились мы Александра Григорьевича! Со вчерашнего дня в наличии не имеется; перешел... и, переходя, со всеми даже перебрался... так даже невежливо... Ветреный мальчишка, больше ничего; даже надежды мог подавать; да вот, подите с ними, с блистательным-то юношеством нашим! Экзамен, что ли, какой-то хочет держать, да ведь у нас только бы поговорить да пофанфаронить, тем и экзамен кончится. <...> Девчонки, мальчишки, старцы...”* (VI,407,408).

Илья Петрович завершает этими словами формирование идеального, “иконного” мира, в котором сосуществуют “девчонки, мальчишки, старцы”, в котором побеждает душевная молодость, а душевная старость терпит поражение. Победа молодости в романе декларируется на всех уровнях: и среди главных героев (Раскольников и Соня), и среди второстепенных (Разумихин и Дуня), и среди фоновых (Лебезятников и Заметов) – очевидная искусственность, ненатуральность такого исхода остается здесь не убожеством авторского сознания, а его неистребимого оптимистического идеализма. Единение “девчонок” и “мальчишек” со “старцами” можно включить в “иконную” систему Достоевского – мотив этот у писателя регулярный, особенно на последнем этапе творчества: тут достаточно вспомнить “Братьев Карамазовых” и неосуществленные замыслы написать роман о русских мальчишках.

ДЕТИ МАРМЕЛАДОВЫХ

При наблюдении над этими, пожалуй, самыми трогательными персонажами “Преступления и наказания” сразу бросается в глаза их чрезмерная “взрослость”, т.е., в первую очередь, именно с ними связана тема “иконного изображения”.

Впервые дети Мармеладовых (точнее – Катерины Ивановны) описываются в сцене первого появления Раскольникова в этом семействе вместе с его главой: *“Самая маленькая девочка, лет шести, спала на полу, как-то сидя, скорчившись и уткнув голову в диван. Мальчик, годом старше ее, весь дрожал в углу и плакал. Его, вероятно, только что прибили. Старшая девочка, лет девяти, высокенькая и тоненькая как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике, сшитом ей, вероятно, два года назад, потому что он не доходил теперь и до колен, стояла в углу подле маленького брата, обхватив его шею своею длиною, высохшею как спичка рукой. Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтоб он как-нибудь опять не захныкал, и в то же время со страхом следила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ее исхудавшем и испуганном личике”* (VI, 22, 24). В этом коллективном портрете “иконно” только изображение Поленьки (высокий рост при страшной худобе, огромные глаза, высохшая, т.е. старческая, рука, взрослое (материнское) поведение), младшие же дети

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

изображены прежде всего в сентиментальном ключе – имея задачей вызвать в читателе глубокое сочувствие.

Вообще подобные идейно-художественные принципы – изображение страданий маленьких беззащитных перед внешним миром детей – объективно носят спекулятивный характер, ибо, естественно, каждый нормальный человек, столкнувшись с детским безвинным страданием, обязательно будет испытывать по отношению к ним глубокое сочувствие и по отношению к их обидчикам (конкретным персонажам или социально-политическому устройству общества) – чувство возмущения и негодования. Иными словами, художник, эксплуатирующий тему детского страдания, спекулирует на чувствах читателя. В связи с Достоевским можно заметить, что именно эта тема у него служит золотой жилой для критиков социального толка, трактующих писателя как борца против феодализма-капитализма в России. При этом подобные критики абсолютно игнорируют тот факт, что детская тема лишь фоновая в “Преступлении и наказании”, а тема “русских мальчиков” в “Братьях Карамазовых” абсолютно идеологична и не имеет под собой политической почвы.

Во втором коллективном портрете, при особом внимании ко “взрослости” Коли, “иконность” акселерируется. *Поленька “хотя и много ещё не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда следила за ней своими большими умными глазками и всеми силами хитрила, чтобы представиться все понимающею. В этот раз Поленька раздевала маленького брата, которому весь день нездоровилось, чтоб уложить его спать. В ожидании, пока ему переменят рубашку, которую*

предстояло ночью же вымыть, мальчик сидел на стуле молча, с серьезною миной, прямо и недвижимо, с протянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми, пяточками к публике, а носками врозь. Он слушал, что говорила мамаша с сестрицей, надув губки, выпучив глазки и не шевелясь, точь-в-точь как обыкновенно должны сидеть все умные мальчики, когда их раздевают, чтоб идти спать. Еще меньше его девочка, в совершенных лохмотьях, стояла у ширм и ждала своей очереди” (VI, 143). Мотив “иконности” поддерживается здесь обрядом молитвы и светом огарка (как лампы).

В финале сцены смерти Мармеладова особую роль играет Поленька, облик и реплики которой в разговоре с Раскольниковым сочетают в себе детскость и взрослость: *“Тусклый свет проходил со двора. Раскольников разглядел худенькое, но милое личико девочки, улыбавшееся ему и весело, по-детски, на него смотревшее. <...> Ему так приятно было на нее смотреть, – он сам не знал почему. <...>*

– Любите вы сестрицу Соню?

– Я ее больше всех люблю! – с какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ее стала вдруг серьезнее.

– А меня любить будете?

Вместо ответа он увидел приближающееся к нему личико девочки и пухленькие губки, наивно протянувшиеся поцеловать его. Вдруг тоненькие, как спички, руки ее обхватили его крепко-крепко, голова склонилась к его плечу, и девочка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему все крепче и крепче.

– Папочку жалко! – проговорила она через минуту,

поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы, – все такие теперь несчастья пошли, – прибавила она неожиданно, с тем особенно солидным видом, который усиленно принимают дети, когда захотят вдруг говорить как “большие”.

– А папаша вас любил?

– Он Лидочку больше всех нас любил, – продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно как говорят большие, – потому любил, что она маленькая, и оттого еще, что больная, и ей всегда гостинцу носил, а нас он читать учил, а меня грамматике и закону божью, – прибавила она с достоинством, а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любит, и папочка знал, а мамочка меня хочет по-французски учить, потому что мне уже пора получить образование.

– А молиться вы умеете?

– О, как же, умеем! Давно уже; я, как уж большая, то молюсь сама про себя, а Коля с Лидочкой вместе с мамашей вслух; сперва “Богородицу” прочитают, а потому еще одну молитву <...>” (VI, 146 – 147).

Тусклый свет, при котором происходит этот диалог, сама тема его (любовь к ближнему, молитвы), а также “процесс наблюдения” (Раскольников “наблюдает” лицо Поленьки – как “наблюдает” икону) делают эту сцену едва ли не самой ключевой в решении поставленной нами проблемы.

Третий портрет детей Катерины Ивановны приводится в страшной сцене нищенского уличного балета, который устраивает сошедшая с ума Катерина Ивановна. Тема лицедейства и ее прямая связь в сознании Достоевского со

смертью характерна, в основном, для пары Раскольников-Свидригайлов. Но и в сцене уличных танцев она также важна. Дети ощущают несоответствие должному того, что заставляет их делать мать, того, что на них надето – потому пытаются бежать, т.е. не участвовать в лицедействе. Стоящая на краю гибели Катерина Ивановна олицетворяет собой скорую смерть: *“Пуще всего выводил ее из себя плач и страх Коли и Лени (19 – Э.В.). Действительно, была попытка нарядить детей в костюм, как наряжаются уличные певцы и певицы. На мальчике была надета из чего-то красного с белым чалма, чтобы он изображал собою турку. На Леню костюмов не достало: была только надета на голову красная, вязанная из гаруса шапочка (или, лучше сказать, колпак) покойного Семена Захарыча, а в шапку воткнут обломок белого страусового пера, принадлежавшего еще бабушке Катерины Ивановны и сохранявшегося доселе в сундуке, в виде фамильной редкости. Полечка была в своем обыкновенном платьице. Она смотрела на мать робко и потерявшись, не отходила от нее, скрадывала свои слезы, догадывалась о помешательстве матери и беспокойно осматривалась кругом”* (VI, 328-329). Страх (как ощущение смерти) здесь интуитивен, подсознателен, поэтому мотив лицедейства-смерти отнесен к двум самым младшим детям: в облике Коли доминирует тема заграницы (чалма а la турка), Лидочки-Лени – тема смерти (колпак покойного папаши и перо тоже, очевидно, давно покойной бабушки). Полечка же, как самая взрослая из них троих, соотносится с темой рассудка, что косвенно подтверждается ее обычным (не-театральным) нарядом.

Тема смерти в этой сцене находит свое развитие в репертуаре, предлагаемом Катериной Ивановной: песни, которые она заставляет петь детей, – на французском языке. Причем “Malborough s’en vaten guerre”, хотя и исполнялась как колыбельная, подспудно связана с мотивом Наполеона в романе, а “Cinq sous” – с социальной критикой действительности. После чего умирающая Катерина Ивановна переходит на немецкий (“Du hast Diamanten und Perlen”), но заканчивает свое тяжкое земное существование родным Лермонтовым (“В полдневный жар в долине Дагестана”).

Вспомнив слова Раскольникова, обращенные к Соне: “А *ведь дети – образ Христов: “Сих есть царствие божие”. Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...*” (VI, 252), следует также отметить, что все три коллективных портрета детей Катерины Ивановны даются Достоевским вместе с портретами матери, что вполне соотносимо с русской иконописью, а именно с регулярным изображением Богородицы вместе с младенцем Христом.

Мотив взаимоотношений Богородицы и Христа, главным образом, отражается в двойнических парах Катерина Ивановна–Пульхерия Александровна и Соня–Дуня, хотя Катерина Ивановна неродная мать Соне – но это, скорее, соотносится с глубиной социального падения Сони, тогда как Дуня попала с Лужиным в относительно “порядочную” ситуацию. Этими отношениями тема Богородицы и Христа, конечно, в романе не исчерпывается. В частности, в репликах Свидригайлова о Сикстинской Мадонне она получает свое иное развитие: если соотнести с Мадонной Соню, то Христом (возрождающимся)

становится Раскольников, что, безусловно, является спорным суждением. По роду своей профессии Соня гораздо отчетливее коррелирует с другой библейской Марией.

МАРМЕЛАДОВ

Мармеладов как персонаж вводится Достоевским в сюжет романа после весьма показательной авторской максимы: *“Бывают иные встречи, совершенно с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово”*(VI, 12). При этом писатель называет имя для такого психологического состояния: *“Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию”* (VI, 12). Наблюдение Достоевского-психолога прямо отражается в его поэтике: например, портреты Раскольникова и Свидригайлова даются до того, как они начинают говорить. И Мармеладов тоже заинтересовал в распивочной Раскольникова не своими признаниями, а обликом, взглядом. Портрет Мармеладова дается автором до его монолога:

“Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то

же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положив продранные локти на залитый и липкий стол” (VI, 12).

Портрет этот нарочито антонимичен, насыщен “но”: крошечные, но одушевленные глазки, наличие, несмотря на откровенно деклассированное состояние, смысла и ума во взгляде и т.п. – в нашей терминологии сочетание “иконических” и “не-иконических” элементов. Это сочетание подчеркивает суть образа Мармеладова: человека, осознающего глубину своего падения, но, вместе с тем, постоянно углубляющего пропасть, в которую он летит, и даже получающего от этого падения и его осознания некоторое мазохистское наслаждение. Мармеладов для Достоевского – метафора общечеловеческого типа, живущего исключительно противоречиями и неспособного сделать решающий шаг в ту или иную сторону, как, например, это делают в романе Раскольников, убивая старуху, и Свидригайлов, кончая с собой. Этот тип жив, пока перед человеком стоит проблема выбора, а сам человек испытывает от этого бесконечные душевные мучения. Параллельно с Мармеладовым, только

существуя в иной системе философских и социальных координат, начинает свой путь в русской идеологии гончаровский Обломов²¹.

Двойного портретирования Мармеладова, как, например, это происходит с обликами Раскольникова, Свидригайлова, Сони, в романе нет – и это тоже соответствует системе координат произведения, т.к. вторично Достоевский обращает внимание на облик Мармеладова уже после того, как его раздавили лошади: *“На земле лежал только что раздавленный лошадьми человек, без чувств по-видимому, очень худо одетый, но в “благородном” платье, весь в крови. С лица, с головы текла кровь ; лицо все было избито, ободрано, исковеркано”* (VI,136). И ниже, уже у себя дома: *“Он дышал тяжело, глубоко и редко; на окраинах губ выдавилась кровь; пот выступил на лбу”* (VI, 141); *“Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; несколько ребер с правой стороны изломано. С левой стороны, на самом сердце, было злое, большое, желтовато-черное пятно, жестокий удар копытом”*(VI, 142).

В романе несколько физических и духовных смертей. Некоторые амбивалентны: самоубийство Свидригайлова равно признанию Раскольникова в том, что он убил не старуху, а себя. Смерть Мармеладова под копытами лошади соотносит его с самой лошадью, забитой во сне Раскольникова жестоким Миколкой, который, в свою очередь, амбивалентно искупит свою вину за это насилие через самооговор своего многострадального тезки-красильщика. И Катерина Ивановна, умирая, называет себя *“заезженной клячей”*(VI, 334).

КАТЕРИНА ИВАНОВНА

Для начала анализа портретных изображений Катерины Ивановны отметим слова ее беспутного мужа: *“Я не Катерины Ивановны теперь боюсь <...> и не того, что она мне волосы драть начнет.<...> я не того боюсь... я... глаз ее боюсь... да глаз... Красных пятен на щеках тоже боюсь... и еще - еще дыхания боюсь...”*(VI, 21).

Отношение Мармеладова к безусловной “иконе” – Катерине Ивановне – весьма категоричное: он боится не ее, а ее глаз, красных пятен на ее щеках, ее дыхания – все это структурные элементы, характерные для “иконы” у Достоевского и для русской иконы вообще. Например, их можно соотнести со “взглядом умиления” Владимирской Богоматери, румянцем на ее щеках и метафорическим “дыханием” этой иконы, прямо связанной с темой данной работы, т.к. Богоматерь изображена вместе с младенцем Христом, пропорции строения тела которого искажены согласно требованиям иконописи (о них упоминалось выше). Косвенно имеющаяся в виду Православная Богоматерь соотносится в контексте романа с фигурирующей в ней Сикстинской Мадонной Рафаэля, а младенец Христос – со словами Мармеладова, следующими за процитированными выше: *“Детского плача тоже боюсь...”*(VI, 21).

“Иконичность” Катерины Ивановны, страдающей от нищеты многодетной матери, очевидна: *“Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с*

раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее. Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову” (VI, 22). Здесь “икону” формируют значительный рост, худая комплекция, прекрасные волосы, как и у Раскольникова – темно-русые, неподвижный взгляд, молодой возраст, не соответствующий жизненному опыту. Кроме этого, догорающий огарок соотносим с лампадой, и изображается Катерина Ивановна не только в этой сцене, но и в последующих – в окружении детей.

Далее в романе есть еще два ее портрета. Первый – в сцене смерти Мармеладова: *“Катерина Ивановна как будто еще больше похудела в эту неделю, и красные пятна на щеках ее горели еще ярче, чем прежде”(VI, 138); “Катерина Ивановна стояла вся бледная и трудно дышала” (VI,139); “Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы”(VI,143)* – лишь дополняет предыдущий.

А последний – в страшной сцене уличных танцев ее детей – предвещает скорую смерть: *“Катерина Ивановна в своем стареньком платье, в драдедамовой шали и в изломанной соломенной шляпке, сбившейся безобразным комком на сторону, была действительно в настоящем исступлении. Она устала и задыхалась. Измучившееся чахоточное лицо ее смотрело*

страдальнее, чем когда-нибудь (к тому же на улице, на солнце, чахоточный всегда кажется больнее и обезображеннее, чем дома)”(VI, 328). Последняя ремарка, данная Достоевским в скобках, выводит Катерину Ивановну из интимно-исповедального, “лампадного” мира и отдает миру улицы, где все выставлено напоказ: ее чахоточный румянец, остатки немецкой шляпы, покоящиеся на голове Раскольникова, “профессиональная униформа” Сони. Это выставление напоказ соотносится с темой лицедейства, которое в сознании Достоевского связано с представлением о смерти. (Обе эти линии – лицедейства и смерти отражаются в образе Свидригайлова, о чем мы скажем особо). Не случайно, что умирает Катерина Ивановна после фантасмагоричного танцевального представления на улице, на народе. И другие смерти в романе тоже требуют присутствия свидетелей: так умирает Мармеладов, Раскольников кается не только Соне, Свидригайлову тоже необходим сюрреалистический “Ахиллес”.

Подобно тому, как двойничеством объединены Соня и Дуня, так и для Катерины Ивановны двойником является Пульхерия Александровна Раскольникова.

ПУЛЬХЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

РАСКОЛЬНИКОВА

Если Заметов выглядит старше своих лет²², то персонажи из противоположного участка лагеря выглядят моложе, чем

требует от них возраст: *“Несмотря на то что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты, и к тому же она казалась гораздо моложе своих лет, что бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости”* (VI, 158). В этом портрете Пульхерии Раскольниковой переплетаются еще две характерные для Достоевского идейных линии: оппозиции “родственность (у положительных персонажей) – чужеродность (у отрицательных) и душевной мягкости, имеющей конкретный предел в “черте крайних убеждений”: *“Это был портрет Дунечкинова лица, только двадцать лет спустя... Пульхерия Александровна была чувствительна, впрочем не до приторности, робка и уступчива, но до известной черты: она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже из того, что противоречило ее убеждению, но всегда была такая черта честности, правил и крайних убеждений, за которую никакие обстоятельства не могли заставить ее переступить”* (там же).

Визуальное сходство с Дуней, робость и уступчивость, но “до черты”, связывают вместе Пульхерию Александровну, Дуню, Соню и Лизавету, высокий рост – Раскольникова, его мать и сестру, а также утопленницу (VI, 131) и Лизавету. Происходит мотивно-портретное сцепление двойников во вполне определенный идеологический узел, который становится крепче в эпилоге с рассказом о душевном недуге (юродивости) Пульхерии Александровны.

А Л Е Н А И В А Н О В Н А

Сцена первого визита к ней Раскольникова содержит категорический “не-иконный” портрет: *“Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела.”* (VI, 8)

В сцене убийства Достоевский продолжает усиливать “не-иконное” начало ее облика: *“Она (Алена Ивановна – Э.В.) смотрела внимательно, злобно и недоверчиво <...> ему (Раскольникову – Э.В.) показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки <...> Старуха, как и всегда, была простоволосая. Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно смазанные маслом, были заплетены в крысину косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке. Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове. В одной руке еще продолжала держать “заклад”. <...> она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и все лицо были сморщены и искажены судорогой”* (VI, 63).

Обратим внимание на анималистические элементы в

“не-иконном” портрете: шея, похожая на куриную ногу, и, особенно, крысиная косичка – она вместе с острыми глазками и носиком делает старуху похожей на мышь, что, несомненно, зеркально отразится в шестой части романа, когда в бреду Свидригайлова появится мышь и будет бегать по нему и по его постели.

“Не-иконная” Алена Ивановна противопоставлена “иконе” Лизавете.

ЛИЗАВЕТА

Облик Лизаветы передается Достоевским весьма обстоятельно. В первый раз ее портрет помещается в сцене с мещанином и его женой (в первой части): *“Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка, тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои. Она стояла в раздумье с узлом перед мещанином и бабой и внимательно слушала их.”* (VI,51) В этой сцене необходимо отметить символическую реакцию Раскольникова на ее облик: *“Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного”* (там же) и неслучайное акцентирование внимания на отсутствии полной кровной связи между Лизаветой и Аленой Ивановной (у них общий отец, но не мать): *“ – Эк ведь вам Алена-то Ивановна страху задала! – затараторила жена*

торговца, бойкая бабенка. Посмотрю я на вас, совсем-то вы как ребенок малый. И сестра она вам не родная, а сведенная, а вот какую волю взяла.”(там же) Этот факт биографии Лизаветы косвенно соотносится с родственными связями в семействе Мармеладовых, где Соня – родная дочь Мармеладова, а трое маленьких – Катерины Ивановны, и Соня при этом явный двойник Лизаветы.

Кроме “иконных” составляющих портрета (высокий рост, неуклюжесть, робость) выделим особо две характеристики: “*чуть не идиотка*” и “*как ребенок малый*”. Первая в перспективе разовьется в следующем романе в “христовом” направлении, вторая – еще один веский аргумент в пользу “иконной” техники Достоевского, когда взрослый человек оказывается наивен и незащищен, как ребенок.

Ниже Кох, пытаясь дозвониться в квартиру с двумя трупами и убийцей, выдаст квинтэссенцию реального соотношения двух сведенных сестер: “*– Да что они там, дрыхнут или передушил их кто? Тррреклятые! – заревел он как из бочки. – Эй, Алена Ивановна, старая ведьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте!*” (VI,67) Здесь ирония Коха оборачивается серьезностью сказанных слов: уже покойная Алена Ивановна действительно в дальнейшем будет функционировать в романе как нечистая сила (например, в бреду Раскольникова), а Лизавета, несмотря на свою внешнюю уродливость, останется символом христианской красоты.

Вторично еще более “иконный” портрет Лизаветы дается в сцене в трактире (в той же первой части), где Раскольников присутствует при разговоре студента и офицера: “*Студент*

разболтался и сообщил, кроме того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту<...> Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лет.<...> Была же Лизавета мещанка, а не чиновница, девица, и собой ужасно нескладная, росту замечательно высокого, с длинными, как будто вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмаках, и держала себя чистоплотно.<...> Лизавета поминутно была беременна.../ – Да ведь ты говоришь, она урод? – заметил офицер./ – Да, смуглая такая, точно солдат переряженный, но знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Доказательство – многим нравится. Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на все согласная. А улыбка у ней даже очень хороша./ – Да ведь она и тебе нравится? – засмеялся офицер./ – Из странности.” (VI, 53 – 54)

Выделим здесь повторное сравнение с маленьким ребенком, повторное упоминание о разных с Аленой Ивановной матерях, “иконную” улыбку, вновь отмечаемые неуклюжесть и высокий рост. Кротость, “на все согласность” и перманентная беременность рождают параллельные мотивы Сони и Мадонны, а замечание о сходстве Лизаветы с солдатом (“точно солдат переряженный”) – мотив травестиин-лицедейства.

“Иконность” Лизаветиного облика подчеркивается Достоевским последовательно и, можно сказать, настойчиво. В третий раз ее портрет дается уже непосредственно в сцене

убийства – здесь писатель опять “настаивает” на ее схожести с ребенком: “<...> губы ее перекошились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана раз навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо, хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его.”

(VI,65) Достоевский соединяет в этой сцене “детское” и “неестественное”, довершая изображение “свободной левой рукой” (подразумевая, что правая занята может быть не только “большим узлом”, но и троеперстием). Облик убитой минутой раньше старшей сестры только усиливает “иконность” Лизаветы: Лизавета непосредственна по-детски, у нее нет животного инстинкта самозащиты, в отличие от Алены Ивановны, которая, когда Раскольников занес над нею топор, “успела еще поднять обе руки к голове”(VI,63).

Поведение жертвы в момент смерти (убийства или несчастного случая), т.е. в последний миг жизни, по мнению Достоевского, наиболее точно передает всю внутреннюю сущность человека. Так и в “Преступлении и наказании”. Фабульно Лизавета и Алена Ивановна противопоставлены как не родные, а “сведенные” сестры, иконографически – как высокая и маленькая, как ведущие себя в момент насильственной смерти, соответственно, неестественно, т.е.

вопреки физиологической своей сущности, не закрываясь от удара, и естественно, заслоняясь от топора двумя руками, в одной из которых Алена Ивановна *“еще продолжала держать заклад”*(VI,63). И если у процентщицы в портрете доминируют отталкивающие жирно смазанные маслом жиденькие волосы, то вполне закономерно, что в облике Лизаветы автор выделяет глаза и детский взгляд.

С изобразительной точки зрения, сцену двух убийств уравнивают еще два узла: первый, который под видом заклада Раскольников подсунул старухе, дабы отвлечь ее внимание, второй – с тряпьем – он уже сам выхватывает из рук мертвой Лизаветы, т.е. тем самым не избавляется от узла. Тема чистого белья (выстиранного, несомненно, Лизаветой) затем развивается и принимает формы символической: Раскольников патологически начинает бояться того, что на его одежде остались пятна крови, а начинается эта боязнь, когда он на кухне в квартире старухи после двойного убийства роковой для сводных сестер топор *“оттер бельем, которое тут же сушилось на веревке”*(VI,65).

Мотивные связи Лизаветы с другими персонажами романа тоже символичны. Соня менялась с нею нательными крестиками, а Раскольников мотивно связан с нею темой смерти:

“ – Лизавету-то тоже убили! – брякнула вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову.<...>

– Лизавету? – пробормотал Раскольников<...>

– А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь? Она сюда вниз ходила. Еще тебе рубаху чинила.”(VI,105)

Подспудно, кроме фабульной связи, тема смерти

присутствует и в “починке рубахи”: она формируется аллюзиями на саван и на православный обряд надевать чистую рубаху перед возможной скорой смертью.

Лизавета связана двойническими связями с Соней и Миколкой.

М И К О Л К А

Юный красильщик – из персонажей второго ряда – фигура весьма примечательная. Прежде всего, он выходец из Зарайского уезда, с которым у Достоевского связаны глубокие впечатления собственного детства: “*А крестьянина ефтова, Миколая Дементьева, знаю сызмальства, нашей губернии и уезда, Зарайского, потому-де мы сами рязанские.*” (VI,106) – цитирует Разумихин показания содержателя распивочной Душкина. Затем, имя его ассоциируется с именем Николая – самого замечательного героя собственно русской иконописи.

Как и Лизавета, Миколка похож на малого ребенка. Причем сравнение это, вложенное в уста Разумихина, оформлено как внутренняя цитата, что придает ему полновесность и непререкаемость: “*<...> Николай придавил Дмитрия к земле, лежал на нем и его тузил, а тот ему в волосы вцепился и тоже тузил. <...> они, “как малые ребята” (буквальное выражение свидетелей), лежат друг на друге, визжат, дерутся и хохочут, оба хохочут взапуски, с самыми смешными рожами, и один другого догонять, точно дети, на улицу выбежали. <...> этому десять единогласных свидетелей есть!*” (VI,109) В этом же

рассказе Разумихина есть упоминание о попытке самоубийства Миколки – мало обусловленного фабульно и тем самым введенного в сферу не бытовой, а религиозно-мистической мотивации.

“Странность” Миколки развивается в его портрете в сцене у Порфирия Петровича из четвертой части: *“Вид этого человека с первого взгляда был очень странный. Он глядел прямо перед собой, но как бы никого не видя. В глазах его сверкала решимость, но в то же время смертная бледность покрывала лицо его, точно его привели на казнь. Совсем побелевшие губы его слегка вздрагивали. / Он был еще очень молод, одет как простолюдин, роста среднего, с волосами, обстриженными в кружок, с тонкими, как бы сухими чертами лица.”*(VI,270) Здесь очевидно сходство Миколки с Раскольниковым (за исключением прически и роста). Примечательно также то, что в этой сцене – признания Миколки в совершенном не им преступлении – Достоевский, поднимая пафос ситуации, меняет форму имени персонажа: из ребяческого Миколки красильщик превращается в “иконного” Николая(VI, 271).

Миколка является ключевым персонажем в развитии темы безвинного страдания, или страдания за других, главными действующими лицами которой, помимо Лизаветы, остаются Соня и Дуня. Его “иконность” значительно усиливается с его идеализацией в устах Порфирия Петровича, который повторно обращает внимание на его зарайское происхождение и впервые заявляет о его участии в секте раскольников, что уже прямо связывает его с главным героем; кроме этого, Порфирий выделяет в его характере поэтическую жилку: *“Перво-наперво*

это еще дитя несовершеннолетнее, и не то чтобы трус, а так, вроде как бы художника какого-нибудь. Право-с, вы не смейтесь, что я так его изъясняю. Невинен и ко всему восприимчив. Сердце имеет; фантаст. Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать. И в школу ходить, и хохотать до упаду оттого, что пальчик покажут, и пьянствовать до бесчувствия, не то чтоб от разврата, а так, полосами, когда напоят, по-детски еще. <...> А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был. Все это я от Миколки и от зарайских его узнал. Да куды! просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые, "истинные" читал и зачитывался. <...> его художник один один здесь полюбил, к нему ходить стал"(VI, 347) Так в этом, скорее, авторском, нежели порфирьевском, монологе формулируется отношение Достоевского к расколичеству как к истинной, "внутренней", т.е. лишенной внешней атрибутивности, вере, к которой на классицистическом уровне значимых фамилий он относит мятущегося Раскольникову, впрочем, фабульно приходящего к ней только в самых последних строках романа.

Возникающий в связи с Миколкой фоновый мотив фантаста-художника, "подкрепленный" петербургским знакомым Миколки, который наверняка приглашал парня к себе как модель, усиливает не только миколкину "иконность", но и укрепляет идеологическое и эстетическое "зрение" писателя.

ДУНЯ

Систему координат в семейной иерархии Раскольниковых задает Пульхерия Александровна, когда в своем известном письме сыну пишет о Дуне: *“Она ангел, а ты, Родя, ты у нас все – вся надежда наша и все упование.”* (VI,34) Тем самым в Раскольникове укореняется вера в необходимость действия – этим определяется динамика этого образа, тогда как Дуня вместе со своим двойником Соней в своей “иконности” (идеальности) канонична и потому статична. Статика таких принципиальных “иконных” персонажей, как Дуня и Соня, при известной доле условности, соотносима со статикой реальных икон: покой и стабильность, который они излучают, должны не только порождать покой и идеологическую стабильность в том, кто обращается к ним за помощью, но прежде всего определять, обуславливать динамику его развития, направлять душевное движение молящегося в христианское русло: *“Авдотья Романовна была замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у нее движений мягкости и грациозности. Лицом она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей. Волосы у нее были темно-русые, немного светелей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время иногда, минутами, необыкновенно добрые. Она была бледна, но не болезненно бледна; лицо ее сияло свежестью и здоровьем. Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с*

подбородком, – единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность и, между прочим, как будто надменность. Выражение лица ее всегда было более серьезное, чем веселое, вдумчивое; зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный!” (VI,157) Этот упоительный рассказ Достоевского о внешности персонажа едва ли не самый восторженный в романе. Красота Дуни восхищает не только автора, но и находящегося рядом с Дуней Разумихина. Дальнейший альянс сестры убийцы и его университетского приятеля носит видимый искусственный характер, но эта искусственность будет вполне понятна, если учесть те “идеалистические” коннотации, которые наложены на пару Дуня–Соня.

Как и у Раскольникова, и у Сони, в дальнейшем особое внимание Достоевского будет привлекать Дунин взгляд, который подчас дублируется Сониным: *“Ее (Дунин – Э.В.) взгляд, неподвижно устремленный на него, изображал ужас и неутолимую скорбь.”*(VI,398) и *“<...> Соня <...> дико, дико на него посмотрела. <...> Что-то больное и измученное выразилось в лице ее, что-то отчаянное.”*(VI,409) В обоих случаях взгляды обращены к Раскольникову и непосредственно связаны с его медитациями относительно возможности признания в убийстве.

Из прочих деталей портрета отметим родственное совпадение “дрожащих губок” и сверкающих глаз: у Дуни в последней сцене со Свидригайловым, когда она целится в него из револьвера, (VI,381) и у Родиона во время второй и третьей, последней, встречи с Порфирием (VI,264,349).

Идеальный брак Дуни и Разумихина, в котором писатель приводит к венцу красоту и рассудок, относится к миру Сони – миру идеальному. Его власть наступает в эпилоге, где, собственно, говорится и об упомянутой свадьбе. Такое завершение линий Дуни и Разумихина, скорее, дань давней классицистической (или сентиментальной?) традиции в русской литературе²³, нежели мировоззрению самого Достоевского. Однако меры искусственности и естественности по отношению к любому произведению искусства определяются каждым конкретным критиком.

Р А З У М И Х И Н

Разумихин – одна из самых принципиальных фигур второго плана “Преступления и наказания”. При откровенной “иконности” этого героя он все же наделен Достоевским идеальностью поверхностной, больше бытовой, чем глубокой идеологической: прежде всего, добродушием, чрезмерной заботливостью и восторженностью. Все сцены с его участием отдают иронией; Достоевский, понимая идеальность этого персонажа, “порукает” ему постоянное соседство с оппонентом Раскольниковым. И удачно сложившаяся судьба его с Дуней, от которой веет определенной сусальностью, есть, в конечном итоге, лишь взаимное зеркальное отражение благополучного исхода Дуниных злоключений и искусственного сентиментального финала линии Сони.

Связь Разумихина с миром идеального объективизирована в

размышлениях Раскольникова из первой части о том, идти ли ему к Разумихину или нет: “<...> к Разумихину я пойду, это конечно... но – не теперь... Я к нему... на другой день, после того пойду, когда уже то будет кончено и когда все по-новому пойдет...”(VI, 44-45) Раскольников чувствует, что Разумихин – из иной, доброй, идеальной жизни, поэтому он встретится с ним уже после убийства, когда и сам покинет мир зла и насилия – реальный мир.

Объективно-“иконный” портрет Разумихина дается при первом же его появлении, когда Раскольников вспоминает о нем после сцены на бульваре с пьяной девушкой и жирным франтом: “Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этой простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, всегда любили его. Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват. Наружность его была выразительная – высокий, худой, всегда худо выбритый, черноволосый. Иногда он буйнил и слыл за силача.”(VI,43-44) “Иконные” элементы здесь соседствуют с мотивом “лицедейства наоборот”: если у Свидригайлова актерское начало дается с отрицательной коннотацией – за внешним благообразием кроется темная сила, то у Разумихина, напротив, простота, которая иногда хуже воровства, – только маска для глубокого и честного человека. Неслучайно у него так много общего во внешности с Раскольниковым. Например, в его портрете из второй части (в сцене визита к нему Раскольникова): “Разумихин сидел у себя в истрепанном до лохмотьев халате, в туфлях на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый.”

(VI,87) Объединенные с Раскольниковым внешним сходством (небрежением внешним видом) и “турецкими” диванами, оба героя могли бы составить достаточно “прочную” пару двойников. Но одна деталь все же этому мешает.

Если у Раскольникова родственные связи (вопрос для Достоевского весьма болезненный) обнаружены явственно – как бы он ни пытался отречься от сестры и матери, все же на преступление он идет и для их спасения тоже – то у Разумихина иначе: *“Матери у меня нет, ну а дядя каждый год сюда приезжает и почти каждый раз меня не узнает, даже снаружи, а человек умный”* (VI,165). Для Достоевского, несомненно, наличие ближайших родственников у Раскольникова и известия об их страшных лишениях и унижениях нарушают (вместе с его собственным бедственным положением и “воспаленным” сознанием) естественность его состояния. Разумихин же более уравновешен в идеологическом плане в силу своего замкнутого семейного положения – он даже выходит из себя во вполне определенных рамках: когда выпьет – и дальше громогласных деклараций и выбивания кирпича из печной кладки не идет, не говоря уж о таких решительных действиях, на которые отчаивается Раскольников. Боль и мучения Раскольникова генетически обусловлены, глубинны в своей “семейной” основе. Этой “фамильной” наследственности у Разумихина нет, потому он более легок и категоричен в своей доброте.

В сцене в камерке Раскольникова из второй части надо отметить следующие слова Разумихина: *“Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня величают, а*

Вразумихин, студент, дворянский сын”(VI,93). Т.е. правильная фамилия этого персонажа – Вразумихин, но в романе он действует под слегка укороченной фамилией. Трактую по-классицистически значимые фамилии (а в случае с Достоевским мы в праве делать это), можно говорить о том, что изначально это действующее лицо должно было “вразумлять”, т.е. активно воздействовать на других своей добротой, но, в конечном итоге, просто остается олицетворением разумности в поведении и житейской идеологии. Кроме этого, действуя в романе не под настоящей фамилией, а под “псевдонимом”, Разумихин вносит свою лепту в тему лицедейства. Вразумихин “играет роль” Разумихина, вразумляющий выдает себя за разумеющего. Эта “актерская” тема важна прежде всего для Свидригайлова, но нельзя ни в коем случае забывать ее при разговоре о Раскольникове и о Порфирии Петровиче.

С последним Разумихин образует двойническую пару. Сначала отметим их родственные отношения (в диалоге Разумихин–Раскольников): *“Порфирий Петрович придет: здешний пристав следственных дел... правовед. Да ведь ты знаешь... / - Он тоже какой-то твой родственник? / - Самый дальний какой-то”* (VI,104) и (в диалоге Раскольников–Разумихин): *“Ты ведь знаешь этого... Как его!.. Порфирия Петровича? / - Еще бы! Родственник.”*(VI,186)

Двукратное акцентирование родственности (причем еще до физического появления Порфирия Петровича) явно неслучайно. Двойническое соотношение этих персонажей находит свое развитие в их профессиях. Разумихин – переводит с

иностранных языков, Порфирий Петрович – расследует уголовные преступления – таким образом, оба занимаются не формированием, а трактовкой действительности. Один “переводит” ее, другой “расшифровывает”. Но оба не из ряда деятелей – в отличие от Раскольников, Лужина и других.

На уровне деталей это двойничество развивается в уговорах Раскольникова начать новую жизнь:

⟨Разумихин⟩: *“Коли хочешь, так бери сейчас текст, перьев бери, бумага – все это казенное – и бери три рубля”* (VI, 88).

⟨Порфирий Петрович⟩: *“Эй, жизнью не брезгайте! <...> много ее впереди еще будет. <...> Ищите и обряцете”* (VI, 351).

И в том, что оба читали (последний, конечно, более внимательно) злосчастную статью Раскольникова.

П О Р Ф И Р И Й П Е Т Р О В И Ч

“Полишинель проклятый” является одним из самых принципиальных структурообразующих персонажей романа. В нем концентрируется целый сонм мотивов, важнейших для понимания мироздания Достоевского. Как двойник Разумихина, Порфирий “трактует действительность” – будучи следователем, он “объясняет” события; поиск виновного есть процесс расшифровки реальности. Отсюда ироническое и, вместе с тем, опасливое к нему отношение писателя. Как постоянный лицедей, Порфирий Петрович коррелирует со Свидригайловым – регулярные

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

метаморфозы его внешнего проявления носят постоянный юродиво-устрашающий характер. Показательно, что Порфирий лишь стимулирует признание Раскольникова, но не получает его – лавры победителя достаются в конце шестой части невнятного Илье Петровичу Пороху – то есть Порфирий удовлетворяется лишь процессом, но не его итогом. Это делает его позицию принципиально противоположной позиции “деятелей” – персонажей, заинтересованных в силу своей идеологии в полном ощущении, осязании результата своей деятельности: речь идет о двойниках в этом отношении – Раскольникове и Лужине. Свидригайлов, близкий Порфирию Петровичу по линии лицедейства, также живет гораздо “больше”, чем Раскольников – жизненный процесс во внешних его проявлениях ощутим в нем сильнее, чем в Раскольникове, потому и куда более категоричен итог его жизни.

Внешность Порфирия Петровича “не-иконна”, можно ощутить в ней некоторое сходство со внешностью мещанина, который, как и Порфирий, стимулирует признание Раскольникова, – более глубокие корни его облика можно отыскать в гоголевском Плюшкине (ни в коем случае не затрагивая идейную его наполненность). Всего встреч Раскольникова с Порфирием Петровичем в романе три – они очень обстоятельны, что, пожалуй, сопоставимо лишь с объемом сцен Раскольникова с Соней и со Свидригайловым. Внешность Порфирия Петровича на протяжении всех трех встреч не ускользает из поля зрения Достоевского.

Первая встреча: *“Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях. Это был*

человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать.”(VI, 192) Низкий рост, слишком старый облик для тридцати пяти лет, полнота и “нехорошие” глаза формируют “не-икону”, несоответствие серьезного взгляда комической фигуре и ее схожесть с бабьей “насвистывают” мотив лицедейства.

Метаморфозы внешних проявлений Порфирия Петровича в этой и последующих сценах фиксируются Достоевским дотошно и конкретно: “Порфирий Петрович <...> уставился на гостя, в немедленном ожидании изложения дела, с тем усиленным и уж слишком серьезным вниманием, которое даже тяготит и смущает с первого раза, особенно по незнакомству, и особенно если то, что вы излагаете, по собственному вашему мнению, далеко не в пропорции с таким необыкновенно важным, оказываемом вам вниманием. <...> с самым деловым видом отвечал Порфирий <...> и вдруг Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него (Раскольников - Э.В.), прищурившись и

как бы ему подмигнув. Впрочем, это, может быть, только так показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновение. По крайней мере, что-то такое было. Раскольников побожился бы, что он ему подмигнул, черт знает для чего. <...> ответил Порфирий с чуть приметным оттенком насмешливости. <...> с каким-то бабьим жестом покачал головою Порфирий. <...> Порфирий Петрович мигом воротился. Он вдруг как-то повеселел. <...> Он видимо оживлялся и поминутно смеялся, смотря на Разумихина <...> с удивительною важностью заметил Порфирий <...> ласково проговорил Порфирий, чрезвычайно любезно протягивая руку” (VI, 192,193,194,196, 204).

Первая встреча Раскольникова с Порфирием Петровичем подтверждает характеристику последнего, которую дает ему Разумихин (что примечательно – его родственник) еще до встречи: “Неуклюж немного, то есть он человек и светский, но я в другом отношении говорю неуклюж. Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мыслей особенный... Недоверчив, скептик, циник... надувать любит, то есть не надувать, а дурачить...” (VI,189). Ерничество, ироничность и “карнавальность” Порфирия тесно связаны с гоголевскими аллюзиями. Первая же фраза, которую он произносит в романе, – цитата из “Ревизора”: “ – Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! – весело закричал Порфирий Петрович.”(VI,191) А при второй встрече Порфирий уже открытым текстом называет имя Гоголя, предваряя его “появление” в романе карнавальной “ошибкой” в вопросе к Раскольникову: “ – Теперь на именины-с?/ – На похороны-с./

- Да, бишь, на похороны! <...> Все-то вы замечаете! Настоящий игривый ум-с! И самую-то комическую струну и зацепите... хе-хе! Это ведь у Гоголя из писателей, говорят, эта черта была в высшей-то степени?/ - Да, у Гоголя./ - Да-с, у Гоголя-с... до приятнейшего свидания-с.”(VI,272-273) Гоголь, в числе прочих притягательных для любителя изящной словесности достоинств, имеет над Достоевским власть как мастер детали. Импрессионизм Достоевского пытается питать себя деталью так же, как гоголевские арабески, но в силу своей идеологической эпичности (которой проза Гоголя была лишена) далеко не всегда деталь как художественная “тонкость” получает идейно не зависимое существование. У Гоголя независимость детали легко ощутима: он щедро разбрасывает по тексту “тонкие наблюдения”, мало заботясь об их идейной функциональности - и потому они естественны, с предметной точки зрения. У Достоевского как у писателя, всецело отдающегося философской стихии и одновременно понимающего, что произведение его должно быть достаточно “художественным”, эстетически ценным, существенные детали носят откровенно искусственный (принципиальный) характер: например, символичен обмен Сони с Лизаветой крестиками и т.п. (Что касается портрета, в котором Гоголь остается непревзойденным мастером, то в “Преступлении и наказании” можно заметить черты Плюшкина в трагических Порфирии и мещанине, что достаточно внятно говорит об интересах Достоевского в “Мертвых душах”.)

Вторая встреча Раскольникова и Порфирия предваряется описанием кабинета последнего, в котором не замечается ни

икон, ни киотов, но внимание приковывается к их “заменителю” – двери в задней стене, за которой, как позже выясняется, находился мещанин, выполняющий функцию совести для Раскольникова: *“Кабинет его была комната ни большая, ни маленькая; стояли в ней: большой письменный стол перед диваном, обитым клеенкой, бюро, шкаф в углу и несколько стульев – все казенной мебели, из желтого отполированного дерева. В углу, в задней стене или, лучше сказать, в перегородке была запертая дверь: там далее, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще какие-то комнаты.”* (VI, 254–255) Замена символа на предмет отражает религиозные принципы Достоевского: для него истинное православие не в обряде и символике, а в повседневной реальности, не в городской церкви, а в храме внутри себя. Принципы внутренней набожности и создания царствия небесного, прежде всего, в своей душе не могут не отражаться и в поэтике таких больших мыслителей, каким является Достоевский. Например, в третьей встрече с Раскольниковым Порфирий Петрович рассказывает об одном арестанте, который начитался в остроге Библии да и запустил в начальника камнем, чтобы “принять страдание”. Такое “внешнее” воздействие религиозного обряда (в данном случае – чтения Библии) претит Достоевскому, пытающемуся найти в религии “внутреннее” спасение.

Во время второй встречи растет страх Раскольникова перед коварной игрой, которую ведет с ним Порфирий и которой способствует его характерный “не-иконный” облик – “икона”, например, Соня или Дуня, никогда не вызывают в Раскольникове

страха – он рождается в нем только при общении с “не-иконой”: *“Чрезвычайно странную казалась при этом его маленькая, толстенькая и круглая фигурка, как будто мячик, катавшийся в разные стороны и тотчас отскакивавший от всех стен и углов”* (VI, 255 – 256). Сферичность и упругость создают впечатление герметичности, замкнутости системы, постижение которой невозможно – это и пугает в Порфирии: непонятно, когда он лукавит и когда говорит серьезно. Главное, что с ним невозможно откровение по душам и он в нем не нуждается, так как знает все до конца сам. Одновременные невозможность и ненужность исповеди формируют устойчивый мотив лицедейства как анти-православного акта. Театр для Достоевского становится противопоставлением истинному человеческому миру, как маска противопоставлена лицу. Отсюда физиогномический антагонизм Свидригайлова и Раскольникова, отсюда страх и раздражение Раскольникова при встречах с Порфирием.

На протяжении всей второй встречи Порфирий внешне меняется постоянно: *“Он встретил своего гостя, по-видимому, с самым веселым и приветливым видом, и только уже несколько минут спустя Раскольников, по некоторым признакам, заметил в нем как бы замешательство, – точно его вдруг сбили с толку или застали на чем-нибудь очень уединенном и скрытном. <...> Порфирий Петрович прищурился, подмигнул; что-то веселое и хитрое пробежало по его лицу, морщинки на его лбу разгладились, глазки сузились, черты лица растянулись, и он вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и прямо смотря в глаза Раскольникову.*

⟨...⟩ *закудахтал вдруг Порфирий Петрович, тотчас же изменяя тон и мигом перестав смеяться. ⟨...⟩ По комнате он уже почти бежал, все быстрее и быстрее передвигая свои жирные ножки, все смотря в землю, засунув правую руку за спину, а левою беспрерывно помахивая и выделявая разные жесты, каждый раз удивительно не подходившие к его словам”(VI,255,256,257,260)* и т.п. Здесь же (в порфирьевской реплике и авторской ремарке) фиксируются его возрастные метаморфозы, а именно постоянное стремление Порфирия Петровича казаться старше своих, в сущности – немногих, лет: *“Эй, послушайте старика, серьезно говорю, Родион Романович (говоря это, едва ли тридцатипятилетний Порфирий Петрович действительно как будто вдруг состарился: даже голос его изменился, и как-то весь он скрючился)”(VI,263).*

В дальнейшем сцена эта вдруг перестает следовать сценарию Порфирия – из-за признания Миколки, и Порфирий Петрович еще раз подтверждает репутацию актера, различая искренний голос совести и написанную сторонним автором роль, когда дает молниеносную оценку покаянной исповеди парня-красильщика: *“ – Ну, так и есть! – злобно вскрикнул Порфирий, – не свои слова говорит!”(VI,271)*

Третья встреча начинается с мистической материализации Порфирия, который неожиданно шагает из воспаленного сознания Раскольникова в его убогую комнату, чтобы закончить, наконец, их затянувшийся поединок: *“ – Объясниться пришел, голубчик Родион Романыч, объясниться-с! Должен и обязан пред вами объяснением-с, – продолжал он с улыбочкой и даже слегка стукнул ладонью по коленке Раскольникова, но почти в то же*

мгновение лицо его вдруг приняло серьезную и озабоченную мину; даже как будто грустью подернулось, к удивлению Раскольникова. Он никогда еще не видел и не подозревал у него такого лица."(VI,343) Развязка психологического поединка убийцы и следователя требует выявления истины, а с ней лицедейство должно смениться нормальным, естественным поведением, как, например, обрывается "естественным" самоубийством жизнь Свидригайлова. Поэтому и поведение и облик Порфирия меняются в "человеческую" сторону: "*... продолжал Порфирий Петрович, немного откинув голову и опустив глаза, как бы не желая более смущать своим взглядом свою прежнюю жертву и как бы пренебрегая своими прежними приемами и уловками*"(VI,343-344) Лицедейства первой и второй встреч уже нет: Порфирий выступает уже не в роли клоуна, но разоблачителя и, пытаясь облегчить участь Раскольникова, великодушно вдохновляет его на грядущее обновление жизни.

Порфирий Петрович играет в романе роль сторонней совести – силы, которая вне человека, но знает про него все. Страх Раскольникова перед ним – страх человека, внезапно обнаруживающего, что его тайна не есть уже только его тайна, что она известна и другому человеку (к тому же наделенному официальными полномочиями). Несомненно, что к заявленному в заглавии "наказанию" Порфирий своим устрашающим лицедейством имеет самое непосредственное отношение, ибо Раскольников все-таки рассчитывал скрыть свое преступление – и наказание для него здесь не то, что Порфирий может его арестовать и упечь в Сибирь (как раз наоборот – тот демонстративно

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

проводит окончательное дознание без свидетелей, т.е. нарушая процессуальные нормы и формально давая возможность Раскольникову избежать тюрьмы), а то, что Порфирий знает его тайну, видит его насквозь. Это-то и страшно, с точки зрения того крайнего индивидуализма, который, по мнению Раскольникова, поднимал его на недостижимую идеологическую высоту, становился для него надежной крепостью и обеспечивал внутреннюю неприкосновенность. Особенно важно здесь соотношение материализма как результата эмпиризма и идеализма как символа неповторимости и агностицизма по отношению к человеческой душе. Но это тема для отдельного исследования.

Что касается нашей, “технической”, темы, то отметим последовательное проведение Порфирием Петровичем политики “анти-эстетики”. Кроме “не-иконного” начала в его облике отметим и “наполеоновское” начало: маленький рост, излишнюю энергичность, короткие, толстенькие ножки. Если добавить сюда его реплику *“Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?”* (VI,204), обращенную к не признающему себя ни Наполеоном, ни Магометом Раскольникову, можно утверждать, что “анти-эстетический” (“наполеоновский”, “не-иконный”) мотив в связи с Порфирием как пародией на Наполеона весьма устойчив. Тем более, что его риторический вопрос есть откровенный прозаический перифраз авторского признания из “Евгения Онегина”²⁴, в котором тема индивидуализма и жертвенной христианской любви также принципиальна. “Анти-эстетика”, о которой немало думает Раскольников, сводит (по нескольким причинам, включая

постоянное присутствие неподалеку Порфирия как следователя – конкретного юридического чина) его “пробу” к заурядной уголовщине: мысль о спасении человечества хороша, пока она мысль в перманентно “воспаленном” сознании Раскольникова, – но, когда топор уже опущен на человеческие головы, Наполеон превращается в рядового убийцу, и никакие высокие идеи уже не оправдают содеянного. Правда, Достоевскому явно мешало ощущение собственной неприязни к таким людям, как Алена Ивановна, и, чтобы у читателя (да и у него самого) не оставалось сомнений в преступности действий Раскольникова, он заставляет его убить и Лизавету, которую жалко уже безоговорочно. Вся эта линия Наполеона–уголовщины идет в романе под непрерывное хихиканье и ерничество Порфирия – индикаторы истинной цены преступления Раскольникова.

С В И Д Р И Г А Й Л О В

Свидригайлов, вне всякого сомнения, на пару со своим двойником Раскольниковым составляет истинный писательский интерес в “Преступлении и наказании”, оттесняя на второй план идеализированную пару Соня–Дуня.

Композиционно Достоевский разводит героев по краям романа. В первой части Свидригайлова еще нет физически – он присутствует заочно, в письме матери. Но и заочно он прочно закрепляется в сознании Раскольникова, возбуждает в нем одновременно ненависть и жгучий интерес: как уже отмечалось, не видя Свидригайлова ни разу в жизни, а только прочитав о

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

его коварстве и каверзах в письме из дома, Раскольников обзывает Свидригайловым жирного франта, крадущегося по бульвару за пьяной девушкой.

И если в первой части доминирует Раскольников, то шестая (зеркально противоположная) отдана Свидригайлову, его исканиям и “отъезду в Америку”. Даже исчезнув физически, он продолжает влиять на поведение Раскольникова: известие о самоубийстве Свидригайлова, полученное им в участке, вместе с “диким” взглядом Сони стимулирует его окончательное признание (VI,408–410).

Портретно двойники противопоставляются не столько антитетично как “икона” и “не-икона”, а по степени своей естественности, близости к подлинно человеческой природе. Первый портрет Свидригайлова обставлен так же, как и первый портрет Раскольникова – без называния имени персонажа: *“Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он очень щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым баринном. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно, пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.”*(VI,188)

Второй обстоятельный портрет Свидригайлова помещается Достоевским в начале разговора с Раскольниковым, за которым последует драматический поединок его (Свидригайлова) с Дуней и развязка “затяжного прыжка” – встреча с желанной Америкой: *“Плутовская улыбка показалась на лице Свидригайлова и все более расширялась. <...> Наконец Свидригайлов громко расхохотался. <...> Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице. Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем. На пальце был огромный перстень с дорогим камнем.”* (VI, 355,357–358)

В первом портрете, кроме, пожалуй, алых губ, нет еще “мотива маски”. К элементам “иконы” отнесем довольно высокий рост, выразительный взгляд, заметную моложавость, т.е. несоответствие внешности и возраста в пользу внешности. “Не-иконные” элементы тоже достаточно сильны: сутуловатый вид, богатая одежда, трость, к которым во втором портрете добавятся щегольское белье и перстень. Но если первый портрет фабульно сопряжен с Соней (Свидригайлов идет за ней следом) и дается через ее зрение, то второй преломляется в зрении Раскольникова, который, чувствуя себя в двойнике Свидригайлове, выделяет в его внешности главный принцип – принцип лица-маски, несоответствие внутреннего и внешнего миров: какое-то странное лицо, похожее как бы на маску,

слишком голубые глаза, слишком тяжелый и неподвижный взгляд, что-то ужасно неприятное в красивом и моложавом лице.

Театральность внешних проявлений Свидригайлова подтверждается и разбросанными по тексту отдельными авторскими и “свидригайловскими” ремарками. Остановимся на них в пределах шестой, решающей для Свидригайлова части: (Свидригайлов:) *“Я <...> постарался прикинуться пораженным, смущенным, ну, одним словом, сыграл роль недурно.”* (VI,366) (Достоевский:) *“Свидригайлов в нетерпении ударил кулаком по столу. Он раскраснелся.”*(VI,367); *“<...> пренаивно испугался вдруг Свидригайлов”*(VI,368); *“<...> захохотал Свидригайлов”* (VI,370); *“Он был чем-то озабочен, чем-то чрезвычайно важным, и хмурился. <...> С Раскольниковым в последние минуты он как-то вдруг изменился и с каждой минутой становился грубее и насмешливее”* (VI, 371); *“Наконец лицо Свидригайлова изменилось. <...> он принял вдруг самый веселый и дружеский вид”* (VI, 372); *“Лицо Свидригайлова искривилось в снисходительную улыбку; но ему было уже не до улыбки”* (VI, 375); *“... вероятно, в глазах его уже блистал тот же самый пламень, который так испугал когда-то Дунечку”*(VI, 376); *“... начал он с сверкающими глазами, почти шепотом, сбиваясь и даже не выговаривая иных слов от волнения”*(VI, 380); *“Свидригайлов встал и опомнился. Злобная и насмешливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавших еще губах его”* (там же); *“Он <...> смотрел на нее (Дунечку – Э.В.) с дикою решимостью, воспаленно-страстным, тяжелым взглядом”*(VI, 382); *“Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог”* (там же); *“Невыразимым*

взглядом глядел он на нее” (там же); *“Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния”* (VI, 383).

Так в пределах семнадцати страниц печатного текста постоянно меняется облик Свидригайлова-лицедея, пока, наконец, на его лице не фиксируется Достоевским *“улыбка отчаяния”* – последний штрих в портрете; вплоть до сцены самоубийства у пожарной каланчи в присутствии *“Ахиллеса”* Достоевский больше ни разу не обратит внимания на его внешность.

Лицедейство Свидригайлова как двойника Раскольникова, его лицо-маска коррелирует с трагедией Раскольникова, который сам чувствует несоответствие высокой теории романтического индивидуализма и низкопробного, заурядного убийства, но в то же время особенного раскаяния от этого убийства не испытывает.

РАСКОЛЬНИКОВ

В первом же портрете Раскольникова Достоевский акцентирует внимание на контрасте красоты героя и его одежды. При этом в его гардеробе писатель выделяет немецкую *“циммермановскую”* шляпу, которая вносила явную дисгармонию в его лохмотья, да еще зачисляла Раскольникова в стан иноземцев: *“Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами,*

темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. <...> Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. <...> А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромной ломовой лошастью, крикнул его вдруг, проезжая: “Эй ты, немецкий шляпник!” – и заорал во все горло, указывая на него рукой, – молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону” (VI, 6 – 7).

Система координат, в которой существует Раскольников, отлична от обыденной. Его, например, пугает вид этой несчастной шляпы, но не потому что ее жалкий вид есть вызов обществу потребления, а потому что это примета, по которой его, собирающегося на преступление, могут запомнить свидетели. Немецкое же (по мастеру) происхождение шляпы рождает невольное ощущение неправославной сущности дела, замышленного Раскольниковым, и предвосхищает “мотив Шиллера”, который в дальнейшем будет весьма существенен.

Следует отметить, что эта циммермановская шляпа потом “вернется” в поле зрения (вернее, слуха) Раскольникова – ее появление в конце шестой части говорит о неслучайности этой детали в сюжете, а также усиливает мотив навязчивости и неизбежности, для полифонии “Преступления и наказания” очень существенный. Когда Раскольников уже созрел для признания и

появляется в участке, Порох жизнерадостно ведает ему: *“Был бы благороден, а прочее все можно приобрести талантами, знанием, рассудком, гением! Шляпа – ну что, например, значит шляпа? Шляпа есть блин, я ее у Циммермана куплю; но что под шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того уж я не куплю-с! . . .”* (VI, 407). Таким образом, эта злосчастная работа петербургско-немецкого шляпника становится одним из элементов “зеркального” сюжета романа о двойниках.

В первом портрете Раскольникова можно без труда обнаружить и элементы “иконы”: молодость, высокий рост, прекрасные глаза. Контраст же с нищенским одеянием порождает симпатию или, скорее, сочувствие герою, которую испытывает и сам Достоевский. “Иконическое” начало портрета Раскольникова подчеркивается и сюжетно: следующий за ним – портрет Алены Ивановны (VI, 8).

Отметим другие детали, связанные с его обликом. Во второй части, в сцене в участке, в портрете появляется бледность, которая будет в дальнейшем весьма регулярна: *“Раскольников отвечал резко, отрывисто, весь бледный как платок и не опуская черных воспаленных глаз своих перед взглядом Ильи Петровича”* (VI, 83).

Бледность и воспаленность – эти неестественные, ненормальные состояния внешности для Достоевского являются индикатором неординарности, необычности, а, следовательно, индивидуальности, проблема которой тесно связана с ключевой идеологией романа – наполеонизмом. В той же второй части эти элементы портрета присутствуют снова: *“< . . . > какая-то дикая энергия заблестала вдруг в его воспаленных глазах и в его*

исхудалом бледно-желтом лице”(VI, 120).

Как и Свидригайлов и связанный с ним мотивом лицедейства Порфирий Петрович, Раскольников тоже подвержен резким изменениям облика: *“Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным хохотом, как давеча, как будто сам совершенно не в силах был сдержать себя”* (VI, 128).

Раскольников получает неизъяснимое наслаждение, идя по краю пропасти. Он вполне сознательно играет с огнем – в этом особенность его натуры: *“Он вышел, весь дрожа от какого-то нестерпимого наслаждения, – впрочем мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, как бы после какого-то припадка. Утомление его быстро увеличивалось. Силы его возбуждались и приходили теперь вдруг, с первым толчком, с первым раздражающим ощущением, и так же быстро ослабевали, по мере того как ослабевало ощущение”*(VI, 129).

Имитация припадка в опасной игре с Заметовым говорит о том, насколько “сознателен” Раскольников в своем поведении. Удивительное сочетание в нем актера и неврастеника, убийцы и мессии, наверное, можно объяснить личностью самого Достоевского – человека неуравновешенного и больного эпилепсией.

После приступа болезни Раскольникова навещает Разумихин с Пульхерией Александровной и Дуней: *“Раскольников сидел в углу напротив, совсем одетый и даже тщательно вымытый и причесанный, чего уже давно с ним не случалось. <...> Раскольников был почти здоров, особенно в сравнении со вчерашним, только очень бледен, рассеян и угрюм. Снаружи он*

походил как бы на раненого человека или вытерпывающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспаленный. <...> и это бледное и угрюмое лицо озарилось на мгновение как бы светом, когда вошли мать и сестра, но это прибавило только к выражению его, вместо прежней тоскливой рассеянности, как бы более сосредоточенной муки. Свет померк скоро, но мука осталась <...>” (VI, 170 – 171).

Сочетание подлинного недуга и актерских трюков во внешности Раскольникова соотносится с его теорией: она тоже диалектична – с одной стороны, в ней очевидна боль за страдающее человечество, с другой – она только благородно выглядящая ширма для преступной вседозволенности. И меркнувший свет при неугасающей муке становится метафорой преходящей сущности внешней оболочки всякого предмета и неколебимости внутренней сущности, что потом не позволит в финале Раскольникову раскаяться в содеянном. Раскаяние принесло бы ему облегчение, избавление от вселенской тоски, но, как заметил однажды Разумихин (не без помощи автора), *“Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди <...> должны ощущать на свете великую грусть”* (VI, 203). И здесь невольно возникают ассоциации со вселенской скорбью и светлой грустью иконических ликов.

Взгляд у Достоевского – мощное оружие. Так же, как и “взгляд” православной иконы, он является индикатором внутренней силы. У “иконы” всегда есть взгляд, потому что есть глаза – большие и глубокие.

ИКОНОПИСЬ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО (Э.Ю.ВЛАСОВ)

Достоевский фиксирует взгляды персонажей постоянно. Вот, например, – из сцены Раскольникова с Соней в четвертой части: *“Наконец подошел к ней; глаза его сверкали. Он взял ее обеими руками за плечи и прямо посмотрел в плачущее лицо. Взгляд его был сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали...”* (VI, 246). В другом разговоре с Соней, также эмоционально перегруженном, (из пятой части) портрет Раскольникова настойчиво повторяется: *“Глаза его горели лихорадочным огнем. Он почти начинал бредить; беспокойная улыбка бродила на его губах. Сквозь возбужденное состояние духа уже проглядывало страшное бессилие.”*(VI, 320). Такая портретная “настойчивость” Достоевского объясняется постоянной “воспаленностью” сознания Раскольникова – “воспалена” его теория: что это? – бред или явь? – Раскольников не может найти ответа.

В эпилоге портрета Раскольникова уже нет. Сведения о его внешности скудны: бритая голова, “лоскутное платье”, бледность, худоба да неподвижный, каменный взгляд, обращенный к одному из каторжников, который напал на него с обвинениями в безбожии, – вот и все, что отмечает Достоевский в финале. Раскольников перемещен сюжетно уже в иную плоскость, иную систему координат – это начало новой жизни, где внешнее уже не имеет никакого значения. Несомненно, такое небрежение внешними своими проявлениями (жесты, одежда и т.п.) в условиях каторги было хорошо знакомо писателю. Каторга для него – своего рода чистилище, где опадают наружные маски и где зверь проявляет свою внутреннюю звериную сущность, а человек – человеческую.

Здесь уже нет противоборства “иконного” и “не-иконного” начал, здесь нет диалектики свободы – тут уже нет поиска себя на границах двух начал. Поэтому Раскольников спокоен, уже нет у него той идеологической “воспаленности”, которая терзала его в ненавистном Петербурге. Только грезы во время болезни о всемирной моровой язве звучат отголоском его недавних душевных терзаний.

С точки зрения диалектики “иконного” и “не-иконного” начала, имеет смысл в связи с Раскольниковым говорить о противоборстве Христа и Антихриста в его сознании. Конечно, здесь имеется в виду не иконический сюжет борьбы Добра и Зла (например, Георгия и Змия), но более глобальная проблематика религиозно-атрибутивного искусства. Раскольников у Достоевского глубоко реалистичен именно своим колоссальным внутренним напряжением, связанным с выбором пути. В нем одновременно сосуществуют и Христос, и Антихрист как общее желание православного мира и индивидуальная страсть к борьбе со вселенским злом.

Последнее чувство и в жизни, и в романе неизменно оказывается сильнее: в конечном итоге, каждому христианину приходится рассчитывать только на свои собственные силы в неравной борьбе. И рано или поздно он приходит к необходимости выбора между сохранением своего неприятия библейского непротivления в себе самом, не вынося его на всеобщее обозрение, и конкретным внешним действием, в котором он может реализовать свои индивидуальные потенции и которое выделит его из нивелированной гармонии христианского братства. Но т.к. братство это чаще походит

на стадо, то Раскольников выбирает второй путь.

Но всякая индивидуальность по законам диалектики должна иметь оппозицию в виде объективного начала: так икона для молящегося постоянно напоминает о его существовании и даже имитирует облик этого объективного начала. Для Раскольникова в романе таким оппонентом становится Соня.

С О Н Я

Систему координат для Сониного существования задает ее отец в исповеди Раскольникову в первой части: *“Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все, что было, сам видел. . . Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела. . . Так не на земле, а там. . . о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют! А это больней-с, больней-с, когда не укоряют! . . .”*(VI, 20).

Так, еще до своего появления в романе Соня находит себе место на небесах – пьяный папаша отводит своей несчастной дочери роль всевышнего судьи – и этот, пока заочный, а потом вполне реальный Сонин взгляд будет до самого конца преследовать Раскольникова.

Соня – из разряда тех персонажей, которые у привередливых читателей вызывают раздражение своей идеальностью, или нереальностью, и вместе с тем, преподносятся многочисленными критиками как наиболее яркие героини русской классики, например, пушкинской Татьяны Лариной. И Достоевский при откровенно идеальном внутреннем

наполнении наделяет ее “иконной” внешностью: *“Она была тоже в лохмотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью. Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь, цветном платье с длинейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и светлых ботинках, и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой, и о смешной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером. Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами. Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами”* (VI, 143). Из “неиконных” элементов здесь только малый рост, который вполне логичен в связи с женским персонажем. В остальном – это классический “иконный” портрет. Даже дурная одежда здесь относится к “иконным” деталям, т.к. хорошо и дорого одеваются у Достоевского только “не-иконы”: например, Лужин, Свидригайлов, Зосимов.

Во второй раз Раскольников не сразу узнает ее, т.к. *“в памяти его отразился образ совсем другого лица”* (VI, 181) – т.е. первое впечатление о Соне как об уличной женщине оказалось достаточно сильным.

Контраст между внутренней красотой Сони и ее позорной

профессией усиливается Достоевским постоянным акцентированием ее детской внешности: *“Теперь это была скромно и даже бедно одетая девушка, очень еще молоденькая, почти похожая на девочку, с скромною и приличною манерой, с ясным, но как будто запуганным лицом. <...> она <...> совсем потерялась, оробела, как маленький ребенок, и даже сделала было движение уйти назад”* (VI, 181). *“Это было худенькое, совсем худенькое и бледное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, с востреньким маленьким носом и подбородком. Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лицо ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней. В лице ее, да и во всей ее фигуре, была сверх того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась еще почти девочкой, гораздо моложе своих лет, совсем почти ребенком, и это иногда даже смешно проявлялось в некоторых ее движениях”*(VI, 183).

Детское начало при взрослой профессии объединяет Соню с детскими персонажами романа, терпящими лишения и становящимися не по возрасту взрослыми. Простодушие и непосредственность – с Лизаветой (добавим сюда и обмен крестиками). Эта связь с детьми и Лизаветой приводит к мотиву юродивости: *“С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он (Раскольников – Э.В.) в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожавшее от негодования*

и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным. “Юродивая! юродивая!” – твердил он про себя. / На комодѣ лежала какая-то книга. Он каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете. / – Это откуда? – крикнул он ей через комнату. Она стояла все на том же месте, в трех шагах от стола. / – Мне принесли, – ответила она, будто нехотя и не взглядывая на него. / – Кто принес? / – Лизавѣта принесла, я просила” (VI, 248 – 249)

Юродивость как максимально возможная на земле приближенность к Богу – мотив чисто “иконный”: юродивые также отличны от нормальных людей внутренне, как внешне иконное изображение человека – от его реальной конституции.

Юродивы в романе и Соня, и Лизавѣта, и именно с ними связывает Достоевский евангельскую линию: следом за процитированным диалогом Раскольников просит Соню отыскать ему в лизавѣтиной (!) Библии про воскресение Лазаря, а затем, признавшись в том, что не ходит в церковь, узнает от Сони, что и она службы посещает не часто: во-первых, потому что осознает греховность своего занятия и не хочет лишний раз осквернять своим посещением святое место (это чисто фабульное объяснение), и, во-вторых, потому что не считает регулярное посещение служб знаком подлинной веры, – и это уже позиция Достоевского не автора “Преступления и наказания”, но просто христианина.

Двойнические связи Сони и Лизавѣты Достоевским отмечаются постоянно. Концентрируются они в известной сцене

с Раскольниковым в конце пятой части: “ -Да вы... меня... что же вы меня так... пугаете? - проговорила она (Соня - Э.В.), улыбаясь как ребенок.<...>/ И как только он (Раскольников - Э.В.) сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и все неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детской улыбкой.”

(VI,315) Соня здесь “объединяется” с Лизаветой в сознании Раскольникова: для него удар топором становится равносильным признанию в этом ударе, т.е. физическое действие становится адекватным ментальному - поэтому на время “астрального” диалога с Соней Раскольников перемещается из диалектичного карнавального мира в однозначный, идеальный мир. И чувство ненависти, которое он испытывает по отношению к Соне в начале сцены, меняется на детскую улыбку, т.е. Раскольников

перемещается из своего (“иконно--не-иконного”, переменного, непостоянного) космоса в идеальный миропорядок Сони. Можно также заметить, что именно ребенок (в Сонином обличи) угадывает в Раскольникове убийцу – так, “икона” своим детским взглядом безошибочно узнает преступника.

Мир Сони стеной стоит на пути у “мессии” Раскольникова. Ее лицо еще дважды в романе подвигает его на принципиальные шаги. Сначала ее взгляд возвращает Раскольникова, выбежавшего было из участка, к Пороху для итогового признания: *“Он сошел вниз и вышел во двор. Тут на дворе, недалеко от выхода, стояла бледная, вся помертвевшая Соня и дико, дико на него посмотрела. Он остановился перед нею. Что-то больное и измученное выразилось в лице ее, что-то отчаянное. Она всплеснула руками. Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его устах. Он постоял, усмехнулся и поворотил наверх, опять в контору.”* (VI, 409) А потом в эпилоге она опять “стоит у выхода”: *“Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку. <...> В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута... / Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря*

обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. <...> / Он думал об ней. Он вспомнил, как он постоянно мучил и терзал ее сердце; вспомнил ее бедное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминания: он знал, какую бесконечную любовь искупит он теперь все ее страдания.”(VI,421,422) Это самый конец романа. Сонино лицо остается в сознании Раскольникова символом страдания во имя ближнего. “Иконность” Сониного облика канонизирует ее, утверждает в иной, отличной от “петербургской” системы ценностей, в которую приводит своего многострадального героя Достоевский. Фоновый пейзаж финальной сцены в остроге здесь тоже нарочито идеален и выполняет роль театрального задника для христианского лика сверхположительного персонажа: “С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, так как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его.”(VI,421)

Светлый, мажорный, излучающий согласие и покой финал романа резко контрастирует с “эпилептическим” содержанием предшествующих ему шести частей, как противопоставлена была в ментальном мироздании Достоевского “не-иконной” эмпирике вера в осуществление “иконного” мира если не на земле, то в душах читателей. Однако “Преступлению и наказанию”, как, впрочем, и почти всем творениям писателя, не свойственна дидактика, которой переполнены сходные по идеологии страницы “Выбранных мест из переписки с друзьями” Гоголя. И

отсутствие поучительности в тональности романа меняет регистр его звучания: Достоевский не призывает открыто (как это делал Гоголь) покинуть “не-иконный” мир и вступить во владения прекрасных ликов “с открытым челом” – он просто фиксирует сосуществование этих двух миропорядков в человеческом обществе и в себе, в частности. И одно из главных средств этой фиксации – его поэтика.

Поэтика Достоевского, его художественная техника ведома, прежде всего, собственным воображением и собственным отношением к тем жестким рамкам действительности, в которые они вписаны. Фантазия писателя формирует его неповторимое видение объективной реальности, формирует оригинальный, автономный космос художника, и каждое его творение есть приглашение в этот космос. Надо только пытаться постичь законы “вранья” художника – и тогда космическое пространство его воображения раскроет перед читателем свои прозрачные двери, сразу за которыми пьяный от вина и от внезапной обрушившейся на него любви Разумихин, то падая от избытка положительных эмоций на колени, то, опомнившись, вскакивая, громогласно декларирует: *“Я люблю, когда врут! Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами. Соврешь – до правды дойдешь! потому я и человек, что вру. <...> да доврется же наконец и до правды, потому что на благородной дороге стоим”* (VI, 155,156) И этот разумихинский парадокс был и остается квинтэссенцией подлинного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: А.Г.Достоевская. Воспоминания. М.,1981, стр.159,357; А.Г.Достоевская. Дневник, 1867г. М.,1923, стр.15.
2. Здесь и далее сочинения Ф.М.Достоевского цитируются по изданию: Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1972-1990. При этом в скобках римская цифра указывает номер тома, арабская - страницу.
3. Наиболее характерен в этом отношении роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита", где события большей частью разворачиваются во вполне конкретно, документально описанных Ершалаиме (т.е. Иерусалиме) и Москве, что, впрочем, только усилило достоверность булгаковского мифа и облегчило его восприятие неискушенным читателем.
4. Ю.М.Лотман. Лекции по структуральной поэтике. Цит. по изданию: Ju.M.Lotman. Lektsii po struktural'noi poetike. USA, Brown University, 1968. Стр.20,21.
5. В.В.Бычков. Византийская эстетика. М.,1977, стр.155.
6. Н.Ф.Федоров. Философия общего дела. Цит. по изданию: Н.Ф.Федоров. Сочинения. М.,1982. Стр.233.
7. Н.Ф.Федоров. Цит. соч., стр.243. Об идейной близости Достоевского учению Николая Федорова и искреннем желании писателя познакомиться с работами философа см. подробнее работу: С.Г.Семенова. Н.Ф.Федоров и его философское наследие. В издании, упомянутом в прим.6, стр.12-13.
8. Подробную библиографию по поэтике русской иконы см. в кн.: Boris Uspensky. The Semiotics of the Russian Icon.

- Lisse, 1976. Стр.83–91. Непосредственно по тематике нашей статьи отметим следующую работу: Patricia Flanagan Behrendt. The Russian Iconic Representation of the Christian Madonna: A Feminine Archetype in “Notes from Underground”. В кн.: Dostoevski and the Human Condition After a Century. Greenwood Press, 1986.
9. Ф.Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. Цит. по изд.: Ф.Буслаев. О литературе. Исследования. Статьи. М.,1990, стр.381.
  10. См. об этом, например, статью Е.И.Кийко “Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии” (в сб.: Достоевский. Материалы и исследования. Вып.6, Л.,1985, стр.120 –128)
  11. А.Камю. Миф о Сизифе. В кн.: А.Камю. Бунтующий человек. М.,1990, стр.77.
  12. М.Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд.4-ое, М., 1979, стр.278.
  13. См., например: С.В.Белов. Роман Ф.М.Достоевского “Преступление и наказание”. Комментарий. М.,1985. В этом же издании помещена обстоятельная библиография работ о романе, в том числе и о его географических и бытовых реалиях.
  14. Борис Успенский. Семиотика русской иконы. Цит. по изд., упомянутому в прим.8., стр.67. Обратный перевод с английского мой – Э.В.
  15. М.Бахтин. Цит.соч., стр.140–179.
  16. См. обстоятельное исследование–каталог образов “взрослых” детей и взрослых, наделенных детскими чертами облика и сознания: W.W.Rowe. Dostoevsky. Child and Man in

- His Works. New York, New York University Press, 1968.
17. Н.Бердяев. Миросозерцание Достоевского. Париж, YMCA—Press, 1968, стр.36.
  18. См., например, в Новом Завете: от Матфея, 4:13; от Луки, 4:31, 7:1; от Иоанна, 2:12.
  19. Тема (или мотив) тоски чрезвычайно важна (и, к сожалению, пока мало изучена) для понимания не только “Преступления и наказания”, но и другой русской классики, например “Евгения Онегина”, “Героя нашего времени”, “Выбранных мест из переписки с друзьями” и др. Неслучайно, что “Преступление и наказание” по воле автора содержит упоминания о Пушкине, Лермонтове, Гоголе и реминисценции из их произведений.
  20. Внезапное изменение по ходу действия романа имени Лидочки на Леню можно объяснить простой авторской небрежностью – из-за сжатых сроков представления рукописи романа в редакцию “Русского вестника” Достоевский не имел достаточного количества времени для детальной его корректуры. Вряд ли уместно предположение о том, что Достоевский считал имя Леня уменьшительным от Лидии.
  21. Роман И.А.Гончарова датируется в истории русской литературы 1859 годом, “Преступление и наказание” – 1866.
  22. Ср., в “Братьях Карамазовых”: *“Дмитрий Федорович, двадцативосьмилетний молодой человек, среднего роста и приятного лица, казался <...> гораздо старше своих лет”* (XIV, 63).

23. Можно сравнить его с браками у Толстого: например, Наташи Ростовской и Пьера Безухова или, скорее, Китти и Левина.
24. А.С.Пушкин. "Евгений Онегин", гл.2, строфа XIV.